

Настоящая справедливость

Квакеры-миротворцы и становление мира

Свортморская лекция
1981 год

Перевод Н.И.Наказнюк

Оглавление

	Введение	стр. 3
I	Природа человеческой натуры	стр. 5
II	Частица Бога	стр.14
III	Понятие миротворчества и его процесс	стр.20
IV	Практика миротворчества (1)	стр.32
V	Практика миротворчества (2)	стр.42
	Заключение – Настоящая справедливость	стр.57
	Библиография	стр.59

Об авторе

Адам Керл начал свою научную деятельность, как аспирант в области истории в Нью-Колледже в Оксфорде, но достаточно скоро его интересы переместились в область антропологии. Его профессиональная карьера началась в Тавистокском институте человеческих отношений. Несколько позже он начал читать лекции по социальной психологии в Оксфорде. В дальнейшем он занимал профессорские должности в Эксетерском университете в Гане (там в 1960 году он стал членом Общества Друзей) и в Гарварде. Круг его интересов включал вопросы психологии обучения, образования и развития. В 1973 году Бредфордский университет поручил ему основать первый в Великобритании факультет по изучению проблем мира. Эта деятельность получила финансовую поддержку квакеров. Последовавший за этим событием рост и повсеместное признание изучения проблем мира в качестве академической дисциплины считается одним из важнейших достижений Адама Керла. После выхода на пенсию в 1978 году он продолжал сотрудничать с целым рядом образовательных учреждений в Великобритании и в других странах, выезжая туда для чтения краткосрочных курсов.

В дополнение к теоретическому исследованию проблем мира Адам часто принимал участие в практических миротворческих мероприятиях. В бытность университетским преподавателем и после выхода на пенсию он работал в горячих точках – в Индии, Нигерии, Северной Ирландии, Пакистане, Шри-Ланке и Зимбабве – часто под эгидой квакерских организаций. В последние четырнадцать лет жизни он занимался миротворческой работой в непрерывных балканских конфликтах и был тесно связан с Центром Миротворчества в Осиеке в Хорватии. В 2000 году его наградили премией мира фонда Ганди в знак признания дела всей его жизни – работы на благо мира. Он скончался 28 сентября 2006 года.

«А те, которые созидают мир вокруг себя, мирно сеют, чтобы пожать плоды праведности» (Иакова 3:18).

Мы беремся за руки, дабы разрушить барьеры возраста, расы и пола, ненависти, страха или невежества. Это и есть основание для истинного мира, источник настоящей справедливости.

Свортморская лекция

На заседании Вудбрукского комитета повышения квалификации, состоявшемся 9 декабря 1907 года, было принято решение об организации Свортморских лекций. В протоколе Комитета было записано решение о выделении средств на «ежегодную лекцию на какую-нибудь тему, связанную с целями и работой Общества Друзей». Имя «Свортмор» было выбрано в память о доме Маргарет Фокс, который всегда был открыт для искренних искателей Истины, и откуда исходили слова, исполненные любви и симпатии, а также и значительная материальная помощь для собратьев по деятельности.

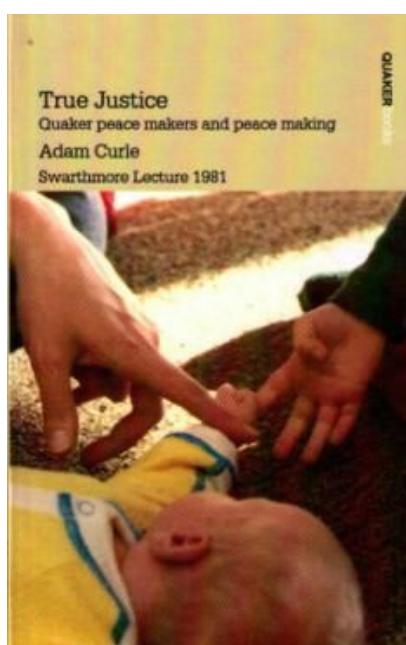
Организация и проведение лекций и по сей день остаются ответственностью попечителей Вудбрукского квакерского учебного центра, и являются значительной частью образовательной работы, которая ведется как в самом Вудбруке, так и из Вудбрука.

Организация Свортморских лекций имеет двоякую цель: во-первых, эти лекции дают возможность членам Общества Друзей лучше понять и интерпретировать для себя цели и задачи своей миссии, и, во-вторых, они представляют дух, цели и фундаментальные принципы Друзей широкой публике. Ответственность за высказываемые мнения целиком и полностью лежит на лекторах.

Лекторий предоставляет средства как на подготовку и чтение самой лекции, так и на последующую публикацию книги. Чтение лекции обычно приурочено к годовому собранию Религиозного общества Друзей (до 1994 года организация называлась Лондонское годовое собрание.) Лекция, представленная в данной книге, была прочитана в Доме Друзей, на Юстон-Роуд в Лондоне вечером 22 мая 1981 года.

Посвящается моей дочери Кристине Фишер-Дарк,
обладающей талантом фотографа,
с благодарностью за любовь и дружбу.

Изображение ее семьи послужила темой для обложки.

Благодарности от автора

Мне неизмеримо посчастливилось иметь непосредственный опыт общения с людьми и событиями, о которых пойдет речь в этой лекции. Я многое получил от Друзей, с которыми имел честь работать вместе; от женщин и мужчин, с которыми я встречался в обстоятельствах угнетения и насилия; от коллег, у которых я научился некоторым приемам социального и психологического анализа; от учителей, которые передали мне свое понимание природы вещей; от моей несравненной жены, детей, внуков и друзей, чья любовь нежно проникала через панцирь моего «я» и моих иллюзий.

В этом я вижу великое благословение Господне и чувствую, что больше мне нечего сказать о своей жизни.

Среди Друзей, особо вовлеченных – прямо или опосредованно – в ту работу, о которой пойдет речь в данной лекции, хотелось бы выразить любовь и благодарность Руфи и Николасу Жиллетам, Уолтеру Мартину, Триш Свифт, Марджери и Роджеру Уилсонам и Майку Ярроу. Я хочу упомянуть мою жену Энн, заботившуюся о моей работе во всех ее составляющих и сопровождавшую меня во многих поездках. Я также хотел бы тепло поблагодарить Сесил Еванс, Роджера Айдейла, Нэнси МакКро, Пола и Энн Нэшев, Джеймса О'Коннела и Эндрю Татэма, любезно взявших на себя труд прочитать рукопись (что сделали также Энн, Роджер и Майк, о которых я уже упоминал.) Выражаю также глубокую признательность Джорджу Горману – я ему во многом обязан, Клиффорду Варнарду и членам Комитета по организации и проведению Свортморских лекций, которые прочитали черновой вариант и высказали ценные замечания.

Адам Керл

ВВЕДЕНИЕ

Когда люди узнают, что я вовлечен в изучение проблем мира, они реагируют по-разному. Одни выказываютsarкастическое изумление, другие – попросту презрительное пренебрежение, кое-кто выглядит озадаченным, ну а кое-кто смотрит на меня с почтением, повергающим в смущение. Тяжелее всего отвечать на вопросы тех, кто предполагает, что я обладаю или думаю, что обладаю некоей формулой, следуя которой можно достичь мира. Обычно они также полагают, что я занят проблемами мира между народами, а, возможно, также вопросами мирного разрешения трудовых конфликтов.

Я пытаюсь объяснить, что предметом моего внимания являются условия человеческого существования в целом, но, ровно в той же мере, мое внимание заострено и на конкретных конфликтах, которые зачастую представляют только самую вершину пирамиды насилия и страданий. И я говорю, что предметы моего внимания – вся боль и смятение, препятствующие нашему развитию и реализации. Конечно, очень часто обстоятельства вынуждают нас к тому, чтобы сосредоточиться на конкретных случаях крайнего проявления отсутствия миролюбия. Однако если нам пришлось бы ограничить свое внимание исключительно такими случаями, тогда мы быпренебрегли исследованием той почвы, на которой подобные конфликты произрастают и будут произрастать и далее, если не очистить саму почву. В этом смысле, социальный работник, учитель, умный законодатель или хороший сосед являются столь же полноценными миротворцами, сколь

и женщины или мужчины, распутывающие какой-нибудь смертоносный международный конфликт.

Однако вопрошающие редко бывают удовлетворены моими ответами. Они ожидают, что у меня наготове рецепт, как достичь мира, хотя бы для того, чтобы потом с наслаждением разбить мои рекомендации вдребезги. Моя проблема, однако, заключается в том, что действительные глубинные аспекты проблемы столь же сложны и глубоки, как сама жизнь. Пожалуй, не составит труда остановить драку (хотя, конечно, далеко не всегда) между двумя индивидуумами или даже ссору между двумя нациями. Но означает ли это, что мир достигнут? Необходимо задаться вопросами о том, что есть мир, каковы реальные характеристики человеческой природы, в чем суть справедливости, как правильно управлять обществом, в чем заключаются отношения между Богом и нами (в том случае, естественно, если мы верим в Бога; если же нет, остальные вопросы по-прежнему сохраняют актуальность). Для того чтобы сказать о мире что-нибудь ценное, мы должны попытаться сказать что-нибудь о жизни. А это нелегко сделать в лекции, и еще сложнее в повседневном разговоре.

В этой лекции я попытался коснуться всех этих тем, да и многих других тоже. Я начинаю с общей концепции человеческой природы, основывающейся на вере в то, что в каждом из нас пребывает божественный элемент. Далее я продолжаю развивать идеи об установлении мира, следующие, по моему мнению, из вышесказанного. И, наконец, я попытался показать, каким образом на нашу миротворческую деятельность влияет комбинация понимания нами нашей собственной природы и наш анализ ситуации. (Возможно, я пользуюсь этим довольно претенциозным термином «миротворец» слишком свободно. Но под этим термином я разумею любого человека, что в свою очередь означает любого из нас, кто пытается в какой-то момент уменьшить дисгармонию и восстановить любовь. Я утверждаю, что миротворчество есть естественное и важное свойство человеческой натуры.)

Из этого краткого изложения содержания видно, что я попытаюсь объединить некоторые аспекты двух важнейших тем квакерской веры и свидетельствования – веру в то, что Бог есть в каждом из нас, и свидетельство о мире, с неизбежностью из этой веры вытекающее. Очень надеюсь, что мои намерения не выглядят слишком самонадеянными.

Я должен также упомянуть, какие темы я не планирую рассматривать, хотя многим такое упущение может показаться достаточно серьезным. Однако я ограничен пределами личного опыта, который, если речь идет о практическом миротворчестве, сводится в основном к роли медиатора, пытающегося найти способы примирить людей. Для целого ряда Друзей главное направление миротворческой работы относится к содействию усилиям по разоружению и борьбе за права человека, к противостоянию торговле оружием и милитаризму, как на родине, так и за границей, а также к установлению более справедливого общества. Я разделяю их веру в безусловную первостепенную важность всех этих вопросов, но у меня в них относительно мало опыта – и уж конечно, его недостаточно для того, чтобы построить на этом опыте Свортморскую лекцию.

Исходя из этого, я по необходимости вынужден сконцентрировать свое внимание на более узкой области. Я надеюсь, однако, что общие принципы, которые я применяю, могут оказаться вполне подходящими и к большинству иных разновидностей миротворческой работы. В особенности, раздел о стадиях Покоя и Революции может оказаться вполне релевантным, если речь зайдет о вопросах изменения отношений и социальных структур, которые лежат в основе заботы о мире, в каком бы виде они ни проявлялись.

Меня пригласили написать эту лекцию, и оказалось так, что я закончил черновой вариант как раз перед тем, как случилось существенное и опасное ухудшение отношений между сверхдержавами, что стало очевидным в начале 80-х годов. Я подумал было, что мне, возможно, следует переписать лекцию в свете кризиса, в который мы соскальзывали, но потом решил не делать этого. Текущая нестабильность, говорил я себе, не означает

радикальных изменений в глобальной ситуации. Конкуренция, националистическая алчность, паранойя, устрашающие арсеналы были всегда, но нас усыпили, заставили забыть об этом. Более того, относительное затишье в Европе и Северной Америке помогли нам игнорировать беспорядки и кровопролитие во многих странах Третьего Мира за последние десятилетия – у нас-то все мирно, глупо и недальновидно полагали мы. И мне кажется, что в настоящее время мы отнюдь не столкнулись с принципиально новой ситуацией, а наблюдаем перераспределение и интенсификацию факторов, которые присутствовали и ранее. Надеюсь, что общие темы, затронутые в данном эссе, окажутся вполне применимыми как к ситуации, сложившейся в настоящее время, так и к ситуациям, что были ранее, и к тем, что последуют в будущем.

Не желая отвлекать читателя многочисленными ссылками на цитируемые источники, которые привлекаются скорее для того, чтобы вызвать определенное настроение или подчеркнуть конкретный смысл, а не для того, чтобы продемонстрировать ученую эрудицию, я включил библиографию. В ней перечислены большинство трудов, оказавших самое значительное влияние на мои размышления по главным темам данной работы, а также почти все книги, которые я цитирую. Я сгруппировал все труды по трем основным категориям: духовные сочинения; работы, посвященные противоречивости человеческой природы, выступающие как за, так и против точки зрения, в поддержку которой выступаю я сам; и, наконец, сочинения о непротивлении насилию, социальным изменениям и пробуждающему осознанию вышеперечисленных проблем.

Большая часть немногочисленных сносок отсылает читателя к работам, включенными в библиографию.

I

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НАТУРЫ

Какова наша природа? Являемся ли мы приматами-убийцами, которыми управляют инстинкты насилия и агрессии, как хотят нас представить Роберт Ардри* и кое-кто из этологов (что звучит достаточно странно, ибо приматы – миролюбивые создания)? Или, согласно утверждениям некоторых бихевиористов, мы являемся существами, из которых можно вылепить что угодно, и следовательно, лишены всяких врожденных склонностей к добру (предполагается, что равно и ко злу). Или же, как полагают социальные философы, к примеру, Гоббс, «человек ведет жизнь одинокую, бедную, грязную, жестокую и скоротечную»? Или, как нам пытаются внушить некоторые теологии, мы настолько погрязли в первородном грехе, что «не осталось в нас ничего здорового»?

* Библиография этой книги содержит короткий раздел, в котором присутствуют некоторые работы, относящиеся к научному (в противовес теологическому и философскому) аспекту противоречивости природы человеческой натуры. Взгляды Монтею и Маслоу почти противоположны взглядам Ардри, Лоренца и Морриса. Фромм и Сторр – где-то между ними.

Или же мы созданы по образу и подобию Божьему и несем в себе Семена, Высшее начало, осияны светом Христовым изнутри? В сущности, единственная догма Друзей, если это слово не покажется слишком эмоциональным, это вера в то, «что частица Бога есть в каждом». И это утверждение, конечно же, играет главенствующую роль в нашем свидетельствовании. Однако я был счастлив узнать, что божественность, постоянно пребывающая в нас, оказывается, является частью всех великих религий. Евангелие,

Послания апостола Павла и сочинения христианских мистиков проникнуты этой верой. «Царство Божие внутри вас», – сказал Иисус. «Вы храм Божий», – писал св. Павел. «В самой душе нашей живет Господь», – писал св. Иоанн Креста. «Чтобы измерить душу, мы должны измерить ее относительно Бога, ибо Основа Бога и Основа Души есть одно и то же», – так утверждал Мейстер Экхарт. «Моя сущность есть Господь», – сказала св. Екатерина Генуэзская, – «и я не признаю никакой иной собственной сущности, помимо Господа моего самого». Безусловно, существование и работа Духа Святого в каждом из нас («И уже не я живу, но живет во мне Христос», – сказал св. Павел) является основой христианства. И мне показалось чрезвычайно интересным высказывание Джелал ад-Дина Руми, который сказал: «Иисус внутри вас: обращайтесь к нему за помощью».

Не нужно далеко ходить за примерами подобных верований в других религиях. «Тот, кто познает себя, познает и Бога», – сказал Мохаммед, и многие суфии вторят ему. «Ана аль-Хакк» («Я есть Истина или реальность» – популярный суфийский синоним для Бога) объявил Аль-Халладж, хотя в его словах не наличествовало совершенно никакого богохульного подтекста, за который ортодоксы варварски его умертили. Он также писал: «Я есть Он – тот, кого я люблю, и тот, кого я люблю, и есть я; мы два духа в одном теле. Если вы видите меня, вы видите и его. И если вы видите Его, вы видите нас обоих». Сравним с Яном ван Рюйсбруком: «Господь в глубине души нашей принимает Господа, приходящего к нам; Господь размышляет о Боге». Кроткий Кабир, соединявший мистические веры индуизма и ислама, писал: «Пока не найдете вы Бога в душе своей, весь мир будет казаться вам бессмысленным».

В индуизме концепция Атмана представляет как источник всего сущего, брахманический Абсолют, так и его индивидуализированное воплощение. В «Брихадараньяка упанишаде» так говорится: «это твой Атман, внутренний правитель», и ведические провидцы объявили «Я есмь Брахман». Тат твам аси – постоянный рефрен Чхандогья упанишады: «Ты – одно с Тем». Перелагая на квакерскую терминологию – ты есть Внутренний Свет; такова твоя сущность.

Более того, насколько я способен разобраться в нюансах Дао, такова и основная мысль Чжуан-цзы. «Тот, кто служит Господу, знает, что и сын рая, и он сам равно являются сыновьями Божими». Также и буддизм признает существование природы Будды во всем сущем.

Таким образом, здесь мы видим иное понимание человеческой природы, опирающейся на Бога, и, следовательно, погруженное в тайну, которую невозможно описать напрямую, а только частично передать через аллегорию, либо посредством великого искусства, и очень часто через аллегории человеческой любви. Наше самое сильное переживание счастья, вероятно, как бы предопределяет то, что трансцендентально было доступно мистикам. Более того, наши попытки описать мистические ощущения неизбежно фильтруются через различные культуры и традиции. И все же основные точки соприкосновения сияют сквозь великое разнообразие идиом в текстах, к примеру, Сузо, Вильяма Лоу – автора «Облака неведения», Байазида Бистами, Фарид ад-Дина Аттара, Шанкара и в учении Бхагавад Гиты.

Но имеется и третий способ рассмотрения нашей природы. Все мы являем собой манихейскую смесь добра и зла, правды и лжи, как сказано у псалмопевца: «Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы; но вы умрете, как люди, и падете, как всякий из князей». Или как у Паскаля: «Что за химера человек. И какая в нем новизна. Что за чудовище, какой хаос, какое вместилище противоречий, какое чудо. Судья всех вещей и бессмысленный червь земли, обладатель истины и клоака неуверенности и заблуждений, слава и отброс мироздания». И только весьма опрометчивый человек мог бы попытаться прорваться через эту запутанную и колючую психологическую, биологическую, философскую и теологическую чащу. Наимудрейший эрудит и тот едва ли смог бы выбраться оттуда, избежав кровавых ран. Мне, однако, кажется, что дискутировать по поводу многочисленных свидетельств можно многими различными способами. И после

того, как мы изучим их со всей возможной беспристрастностью, избегая двусмысленных фактов и шаткой логики, мы, безусловно, обязаны прийти к выводам, основанным на опыте и определенной шкале ценностей – которые, в свою очередь, мы тоже должны подвергнуть скрупулезной проверке.

Прежде всего, мы должны согласиться с наличием слишком многих свидетельств, заставляющих нас предположить, что человеческая природа испорчена насилием и агрессией, а эти качества обусловлены такими эмоциями, как алчность, тщеславие, гордость, зависть и страх. (Интересно заметить, кстати, что в американском английском «агрессивный» означает «в высшей степени энергичный», и звучит это слово как комплимент. Полагаю, что только когда это стремление к самореализации терпит крах, тогда слово приобретает смысл, присущий ему в британском английском, – склонный к насилию и разрушению.) Но означает ли факт нашего частого неподобающего поведения, что нам присущи врожденные свойства насилия и деструктивности? То, что мы знаем из истории, выглядит по большей части обескураживающе, хотя монопольного господства вышеупомянутых свойств тоже не наблюдается. Так, некоторые археологические и палеонтологические свидетельства нашей врожденной склонности к насилию весьма и весьма неубедительны. Например, принято ссылаться на факты каннибализма, как на доказательство применения насилия в наших отношениях между собой, особенно в том виде, в каком это предполагается археологическими находками. Но обширнейшие археологические данные демонстрируют, что, как в самых древних, так и в более-менее близких к современности сообществах, каннибализм являлся преимущественно частью ритуала, либо богоугодным поступком по отношению к своему народу, либо он демонстрировал месть врагам. Очевидная универсальность войны также часто используется для того, чтобы продемонстрировать универсальность насилия в человеческой природе. В простейших сообществах, однако, войны часто вообще нет (или не было). В действительности получается, что те, о ком мы можем подумать, что они-то и являются самыми что ни на есть «естественными» людьми, не дерутся друг с другом коллективно. В чуть более сложных сообществах мы уже наблюдаем присутствие ритуализированных форм ведения военных действий, но и они скорее похожи на спортивные состязания, а не на ту бойню, которую мы именуем войной. В некоторых племенах боевые стрелы, в отличие от тех, что применяются для охоты, оперяются таким образом, чтобы они не могли лететь прямо. В других противоборствующие стороны бросают друг в друга копья, внимательно следя за тем, чтобы оказаться как раз за пределом досягаемости броска. Ну а в некоторых племенах схватка прекращается, как только кого-то ранят. То действие, что мы называем войной, появилось, похоже, в крупных масштабах только тогда, когда ранние бродячие собиратели пропитания превратились в оседлых земледельцев. Именно тогда сообщества начали соперничать за землю, источники воды и другие ресурсы. Известно, что изучение 652 дописьменных сообществ* показало – только треть из них совершали действия, в какой-то степени напоминавшие войну в нашем понимании.

* T. Broch and J. Galtung, “Belligerence among Primitives” in *Journal of Peace Research*, vol. III, no. 1, pp.35-45, 1966.

Третий тип доводов, основывающихся на применении к людям принципов, выведенных из наблюдений за поведением животных, следует считать сомнительным. Не существует адекватных свидетельств тому, что мы вправе экстраполировать поведение животных на поведение людей. Интересно отметить, однако, что антропологи, изучающие человеческое общество, как правило, более оптимистично рассматривают нашу природу, нежели те этологи, которые обычно концентрируют свое внимание на животных. Поскольку животные в большинстве своем гораздо меньше склонны к насилию, нежели мы, это, по крайней мере, странно!

Я хотел бы добавить еще один аргумент в противовес тем, кто считает нашу склонность к насилию неизлечимой. Если существуют любые неподдельные исключения из правила, они сами по себе доказывают отсутствие универсальности данного свойства – в данном случае исключение отнюдь не подтверждает правило. Например, может показаться, что в данном обществе насилия нет, но объясняться это может тем, что там введены очень строгие санкции за проявления враждебности. Или конкретная личность может быть лишена агрессии, потому что он/она боится собственной внутренней агрессии, как мог бы сказать верный последователь Фрейда. Но вот у тасадаев*, племени, которое не так давно было открыто на Филиппинах, похоже, отсутствует сама мысль о том, что люди могут пожелать причинить вред друг другу.

* Описаны в *The Gentle Tasaday* by John Nance. London: Gollancz, 1975.

И разве все мы не знакомы с людьми, о которых совершенно невозможно подумать, что их кротость и исполненность любовью всего лишь заместитель подавленной агрессивности?

Тем не менее, хотя я и не считаю, что возможно поддерживать крайне этологические взгляды, безусловно, почва для размышлений в них наличествует. Я не верю, что это непосредственно связано с «животным» аспектом нашей натуры, точно так же как и с качествами, роднящими человека с машиной. В каком-то смысле наш разум напоминает компьютер. Огромное количество информации постоянно поступает в банк данных нашей памяти на многочисленных уровнях сознания. И когда нам нужно произвести какое-то действие, а действие само по себе может быть совсем простеньким, к примеру – почесаться, или очень сложным – например, вести машину или написать книгу, необходимая информация мгновенно извлекается, и, опираясь на нее, мы начинаем действовать. Но, наряду с информацией полезной и экономящей наше время, в банк поступает и неверная или деструктивная информация (предрассудки, заблуждения, фактические ошибки, надуманные потребности, гордыня, обиды, преувеличенные воспоминания о былых неприятностях, всевозможные узколобые и вредные теории). Только представьте себе, какой непреодолимо трудной была бы наша жизнь, если бы каждый раз, когда мы садимся обедать, нам приходилось бы заново учиться пользоваться ножом и вилкой! Неверная или искаженная информация извлекается в ответ на полученный стимул точно так же, как и информация верная. Вот потому зачастую получается так, что мы автоматически реагируем совершенно неподобающим образом на ситуацию, над которой следовало бы сначала внимательно поразмыслить. Иногда мы почти сразу же понимаем свою ошибку и сожалеем, что автоматический импульс заставил нас действовать глупо или говорить грубо. Иногда мы реагируем настолько механически, и настолько не сознаем, что делаем, что так никогда и не понимаем полностью, какой вред причинили. В этих случаях механистическая функция, существующая для того, чтобы помочь нам действовать более эффективно, берет верх над человеческой природой. Когда такое происходит, а случается это со всеми, по крайней мере, время от времени, несложно поверить в то, что скверна изначально присуща природе человеческой.

Подобное утверждение создает важные предпосылки для дальнейших рассуждений, которые я на данном этапе лишь кратко упомяну. Чем сильнее мы подчиняемся нашим механистическим функциям, под несмолкающую трескотню их потока ассоциаций, тем дальше мы отходим от контакта с глубинной частью нашей сущности, от основы нашей души. Вот почему молчание наших собраний для богослужения имеет столь основополагающее значение для нашего благополучия. В тишине мы приближаемся к нашей действительной природе, а, следовательно, к Богу. («Остановитесь и познайте, что Я – Бог», как сказано в псалме; «Покой есть главное в

движении», – учит Дао Дэ Цзин.) Мы теряем себя в шуме, превращаемся в машины без водителя.

Безусловно, мы никогда не подчиняемся автоматическим импульсам целиком, никогда не отказываемся полностью от осознания своих слов и поступков, точно так же как, вероятно, не способны обрести в полной мере осознание своей природы. Отсюда и проистекает мучительный дуализм Паскаля.

Как же тогда отнестись к мистическому подходу? Я не могу *доказать* его истинность убедительнее, чем мог бы *доказать* существование Бога, бессмертие души или власть любви. Но, значит, я не могу доказать и то, что ручка, которой я пишу, и кресло, в котором я сижу, являются именно тем, чем кажутся. И в самом деле, мне говорят, что они являются комбинацией расположенных в определенном порядке бесконечно малых субатомных частиц, полей энергии, которые наши органы чувств и мозг (образованные подобным же образом) наделяют неким конкретным значением. Все, что я имею сказать по этому поводу, это то, что данное значение вполне меня удовлетворяет, и что мистический подход вызывает в моей душе глубокий отклик. Я чувствую, что этот подход правильный, и это убеждение с годами становится только крепче. Более того, никто не смог найти убедительных доводов против веры в реальность Внутреннего Света (а ведь я, как ученый, весьма возможно чересчур склонен полагаться на разум, а не на веру; по крайней мере, моя жена считает именно так).

Я верю, что, если мы глубже познаем, почувствуем, поймем и проникнемся реальностью Бога, который составляет частицу нас самих, и, следовательно, крошечной частицей которого являемся мы, все изменится. Мы станем такими людьми, какими были созданы (и, возможно, именно для этого превращения мы и были созданы). Мы пробудимся. Это важное слово. Когда Иисус упрекал апостолов за то, что они уснули в Гефсиманском саду: «Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?», возможно, он упрекал их скорее не за то, что они не смогли бодрствовать в прямом смысле слова, т. е. не спать, а за то, что они не сохранили способность ясно осознавать, что происходит, не оставались спокойными и сосредоточенными. В другой раз он увещевал: «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте». Интересно, что слово «Будда» происходит от корня BUDH – «пробужденный», что предполагает пребывание в состоянии бдительной внимательности, сознавая происходящее. И в Дхаммападе говорится: «Серьёзность – путь к бессмертию. Легкомыслие – путь к смерти. Серьёзные не умирают. Легкомысленные подобны мертвцам». «Смерти нет, есть только небрежение в сосредоточенности мысли», – говорил Шанкара, «... через это отвлекается человек от осознания своей божественной сущности». А в свое время приблизительно о том же писал Торо: «Бодрствовать – значит жить. Я еще не встречал человека, который вполне проснулся бы». Если мы будем оставаться бодрствующими, мы сможем эффективно пользоваться той превосходной машиной, которой является наше тело, при этом избегая подчинения его автоматическим функциям, а просто пользуясь ими. Когда мы бодрствуем, мы живем каждое мгновенье.

В следующей главе я намереваюсь рассмотреть следствия – для каждого из нас и для окружающих – веры в божественную основу нашей природы, в смысле веры убежденной, основывающейся на опыте. Я уважаю тех, кто повторяет христианскую догму «Верую, ибо невозможно». Но этого недостаточно. «Верю потому, что знаю» звучит гораздо убедительнее. Я полагаю, что существует духовно неоспоримое знание того, что Бог внутри у нас; и для тех, кто знает это, сей неизмеримо величественный факт должен иметь колossalное значение. Что другое могло бы сравниться с этой возвышенной значимостью? Это знание должно формировать основу нашего отношения к себе и к другим, тем, с кем мы воедино, поскольку все мы дети Божьи. И я отнюдь не считаю эти слова благочестивой фигурой речи. Я хочу сказать, что все мы имеем общий источник, и потому, в самом прямом смысле слова, являем собой единой целое, хотя в то же время все мы также уникальны и представляем собой индивидуальные проявления бесконечных качеств Бога. Мы представляем собой чудесное единство в разнообразии. Я

попытаюсь объяснить, что, если мы и в самом деле ощутим Господа в каждом из нас, условности человеческих взаимоотношений, как личных, так и общественных, должны подвергнуться радикальным изменениям. Хотя многое из того, что представляется хорошим и в духе сотрудничества, сейчас уже институализировано, то же самое можно сказать и о вещах, абсолютно не совместимых с нашими действительными отношениями друг к другу. Признание наших братского и сестринского единства должно привести к исчезновению несправедливости кастовых и классовых различий, снобизма и элитарности, «просвещенного эгоизма», не говоря уже об эксплуатации, угнетении и всего прочего, происходящего из тех фальшивых убеждений, посредством которых мы возвеличиваем себя или же оправдываем себя, осмеивая и унижая других.

Таким образом, познание нашей истинной сущности является революционным. Оно должно привести к революционным изменениям. Оно должно также привести к миру, поскольку антитеза миру создается алчностью, завистью, страхом и ненавистью, проистекающими из ложного понимания.

Следовательно, стремление к миру и признание действительности идентичны. Обрести свою истинную сущность и служить миротворцами – вот основные задачи для человека, общие для всех нас. Каждый из нас может воплощать эти задачи в самых разных областях. Ведь все мы прибегаем к психологическим суждениям касательно различных ситуаций, в которые попадаем; все мы принимаем управленческие решения по различным аспектам нашей семейной жизни, работы или отношений с соседями; все мы решаем, что правильно, а что нет, справедливо или не справедливо. Точно так же поступают и психологи, и психиатры, и эксперты по административным и управленческим вопросам, политики, адвокаты, судьи. В процессе своей деятельности они использую, или, вернее будет сказать, должны использовать определенный объем систематизированной информации. И все же их решения могут быть менее мудрыми, нежели решения, предлагаемые непрофессионалами. Так, например, моя жена – гораздо более сильный практический психолог, нежели я, хотя с теорией я знаком гораздо лучше, и даже заведовал соответствующей кафедрой. И, тем не менее, нет никакого противоречия в таком соотношении между знаниями специалиста и мнением постороннего человека или женщины. Эти подходы должны дополнять друг друга. Я особо хотел бы подчеркнуть важность данного высказывания. Мы слишком полагаемся на «экспертов», и я был бы крайне опечален, если бы дело, столь важное и имеющее общечеловеческое значение, как миротворчество, стало бы прерогативой таких специалистов.

В третьей главе содержится несколько систематизированное и теоретическое обсуждение концепций, имеющих отношение к миру и миротворчеству, что, в свою очередь, неизбежно отражает мое понимание нашей природы. Исходя из своих взглядов, считаю, что существуют некоторые походы к проблемам мира, которым я никогда не смогу оказать моральную поддержку, и которые, по моему мнению, являются в высшей степени немирными по сути. Случается, например, что «мир» достигается посредством безжалостного подавления оппозиции. Бывает, что «мир» поддерживается подавлением протеста против несправедливости, или же «мир» для правителей сохраняется за счет страданий управляемых. Я же определяю мир более позитивно, как ситуацию, которая помогает освободить нас от всего, что препятствует раскрытию нашей сущности, как обстоятельства, в которых Внутренний Свет воссоединяется с наружным и в котором вызревают Семена. Естественно, я стараюсь писать о проблемах мира со всей возможной объективностью и прояснять термины и концепции, если они кажутся противоречивыми или двусмысленными. В общем и целом, я пытаюсь описать проблемы, с которыми будущий миротворец должен быть готов столкнуться.

Четвертая и пятая главы являются своего рода пособием для миротворцев, чьи действия опираются на особый набор духовных ценностей и на веру. Я пытаюсь объяснить, как могут действовать миротворцы, верящие в то, что их сущность, их человеческая природа в основе своей является безупречной. Во второй главе я уже

упомянул, какое значение это имеет для их мироощущения, теперь же встает вопрос, как это может повлиять на их поведение. Заметьте, я говорю о тех, кто, так же как и Друзья, верят вместе с другими христианами, не говоря уже о буддистах, индуистах и прочих, что наша природа уже безупречна. Те же, кто полагает нашу сущность небезупречной, но считает, что ее можно усовершенствовать через молитву посты, хорошую работу или с помощью Благодати Божьей, могут повести себя по-иному. Те же, кто считает, что мы есть в лучшем случае *tabula rasa*, а в худшем несем в себе прирожденное зло, могут придерживаться весьма шатких принципов, определяя какими способами и на каких условиях можно добиться мира. Как сказал Тацит, сделают они пустыню, и назовут ее миром.

Здесь мне хотелось бы пояснить то, что может показаться противоречивым утверждением, а именно, что наша природа является безупречной. Если мы, так же как и Друзья, так же, как и многие другие (некоторых я уже процитировал в этой главе) верим в то, что основой души является Бог, значит, эта божественная основа и должна являться фундаментальной реальностью нашего существования, истинной нашей сущностью, рядом с которой все остальное становится банальностью, ошибкой либо иллюзией. Как может творение Господа быть с изъяном? Конечно же, существует печальное несоответствие между тем, чем мы – созданные по Божьему образу и подобию – **являемся**, и тем, что мы **делаем**. Теологи многих религий и во все времена пытались разрешить это противоречие, и у меня нет ни возможности, ни намерения присоединиться к дискуссии. Суть моей веры опирается на опыт, и, следовательно, подобно многому в вере квакеров, ее нельзя ни доказать, ни опровергнуть посредством богословского спора. Однако, я попытаюсь описать хотя бы частично механизм нашего плохого поведения. Я не возьму на себя смелость писать о причинах к тому, не более чем могу объяснить, как Бог любви создал мир, в котором существуют зло и страдание.

Источники насилия

Чтобы завершить обсуждение природы человеческой, я хотел бы попытаться идентифицировать некоторые источники насилия. Мы должны их искоренить, если желаем, чтобы мир на земле получил более широкое распространение. Как я уже сказал, по большей части в нашем поведении доминируют автоматические реакции на стимулы, активирующие наш «компьютер». Но подобные реакции являются не просто абсолютно неадекватными способами поведения по отношению к другим людям – чем более автоматическими и неосознанными являются они, тем больше возможностей, что они проистекают из застаревших обид или сумятицы в голове, и, следовательно, будут не рациональными или реактивно насильтственными. Посредством таких автоматических реакций мы выражаем то, чему научились, но не тем разумно-полезным способом, который, к примеру, дает нам возможность плавать, кататься на велосипеде, или говорить на иностранном языке даже спустя годы без практики. То, чему человек научился в результате страданий или невежества, представляет собой комплексы навязчивых идей относительно людей и общества, что часто называются доктринами. Такие врезавшиеся в память следы страха, отвержения, унижения, одиночества и другие болезненные переживания, не только деформируют наши человеческие отношения, но вызывают реакции, варьирующиеся от неуместных и наносящих вред самому себе, до реакций разной степени деструктивности, что, конечно же, искаивает наши отношения еще сильнее.

Получившие, к сожалению, широкое распространение и часто портящие человеческое существование жадность и эгоизм возникают, по крайней мере, частично, из ощущения необходимости компенсировать смутное ощущение неправильности происходящего. Такое ощущение есть не что иное, как духовная нищета, но мы сами редко видим ее как таковую. Если бы мы были на это способны, все сильно изменилось

бы. Ну а пока, чем тревожнее мы себя чувствуем, тем более автоматическим становится наше поведение, и тем дальше уходим мы от нашей истинной природы. Чем более механистическим становится наше поведение, тем сильнее терзают нас по большей части подсознательные конфликты, тем глубже становится ощущение собственной никчемности, ущербности – и тем отчаяннее наши усилия компенсировать эти дефекты.

Наша компенсаторная погоня за материальными благами или преимуществами, в каких бы скромных размерах это ни происходило, это всего лишь попытка создать новую личность, опирающуюся скорее на материальные, а не духовные ценности. Совершенно очевидно, что в качестве мерила успеха именно эти ценности наиболее уязвимы – мы можем заболеть, или потерять свои деньги за одну ночь. Однако, чем сильнее угроза, тем отчаяннее наша борьба за то, чтобы защитить свою добычу, и тем сильнее наша враждебность по отношению к тем, кто, как нам кажется, ей угрожает.

Еще один источник насилия, тесно связанный с тем, что уже было сказано, – это невежество или реальное непонимание собственной природы. Если мы не осознаем полностью божественную основу нашей природы, в таком случае у нас мало надежды на водительство, разве что сама природа наша, действуя тайно, вопреки нам самим, может указать нам путь. В границах, очерченных нашим невежеством, нас ведет к жизни иллюзорной, управляемой кажимостями материального мира. Как только мы теряем ощущение обитания во вселенной, где буквально все происходит от Бога («Бог, – сказал Исаак Пенингтон, – есть внутренняя сущность всего, что нас окружает»), мы начинаем отделять материальное от божественного, придавая материальному самостоятельную значимость. И именно тогда мы привыкаем к мысли о необходимости приобретения или удерживания материальных предметов, таких как территория или богатство, или привилегии, посредством насилия.

По сути своей, подобный процесс является базисом в высшей степени материалистической философии (я не хочу называть ее материализмом, поскольку данный термин обладает в философии вполне конкретным значением). Этот способ мышления я так часто наблюдал в обществах, весьма различных при этом по культуре, что он кажется мне почти бездесущим. Более того, все мы в той или иной степени разделяем его, хотя квакеры в совокупности, пожалуй, все же меньше, чем большинство. И, конечно же, члены определенных христианских конфессий могут признавать такой подход совершенно обоснованным.

Из веры в основополагающее несовершенство человеческой природы, а также в реальность и важность материального мира, что предоставляет нам суррогатные способы измерения нашей ценности, вытекает целый ряд умозаключений.

Прежде всего, оправдывается насилие: цель оправдывает средства, конечный результат важнее, нежели те, кто могут оказаться на пути достижения его.

Далее, сим оказывается уважение к иерархии и всем атрибутам высокого социального положения, как показателям успеха. С тем же успехом подтверждается наш собственный статус за счет присвоения более низкого статуса, к примеру, женщинам, людям другой расы, цвета или класса, людям с явно более низким интеллектом, беднякам, и т.п. Отсюда – возвеличивание условностей, поскольку именно власть условностей поддерживает и соблюдает такие критерии суждений. Тем самым я вовсе не хочу сказать, что философия в обязательном порядке является консервативной в обычном смысле слова (хотя может быть и так), но что огромное значение приобретает ортодоксальное следование какому-либо конкретному учению, даже если оно авангардное или революционное.

В более широком смысле слова, вещи становятся важнее людей, и ценность людей далее уменьшается, если люди неправильно ведут себя по отношению к вещам, если, например, им не хватает патриотизма, или какого-нибудь иного проявления корпоративного духа.

Особо опасным и отвратительным проявлением такой философии является освящение «интересов», личных или национальных, в защиту которых объявляется приемлемым любое чудовищное преступление вплоть до ядерной войны.

Странный парадокс: с одной стороны такой тип материалистического мировоззрения отделяет нас друг от друга, в том смысле, что мы концентрируемся на собственных интересах и на тех эгоистических способах, которыми мы можем повышать их ценность. С другой стороны, укрепляются наши связи с группой, которая выступает скорее как единство, помогающее нам дать определение собственной нестабильной личности, нежели как собрание индивидуумов, с которыми у нас имеются личностные контакты.

В следующей главе мы рассмотрим философию совершенно иную, ту, с которой мы также все знакомы, и даже, подозреваю, гораздо ближе. В отличие от того, о чем я только что говорил, это философия мирная, основывающаяся на осознанности и понимании, а не на автоматизме и невежестве.

Существует также коллективный уровень насилия, в котором отдельные индивидуумы могут принимать участие вне зависимости от того, есть ли у них лично выраженная склонность к насилию. Происходит это потому, что за долгие периоды времени психологические источники насилия, индивидуальная алчность, страх, ненасытность эгоизма вкупе с зависимостью от власти и верой во власть и значимость материального, приобрели вполне законный статус. Были созданы армии, чтобы защищать государство (само по себе являющееся весьма материалистической концепцией) или чтобы расширять его границы. Усилились традиции национального, расового или религиозного превосходства и предрассудков. Возникли империи, подавляющие своих подданных. Сформировались огромные эксплуататорские экономические структуры. Эти грандиозные системы функционируют безотносительно, по большому счету, к отдельным личностям, из которых они состоят. Кому не доводилось быть знакомым с добрым и щедрым капиталистом или миролюбивым солдатом? Но вполне понято, что нелегко всем тем отдельным личностям, да по сути, всем и каждому, включая всех нас, избежать влияния этих институтов, в тени которых они живут и работают.

Таковы источники насилия в нас и в нашем обществе. Я решительно отрицаю, что они внутренне присущи нашей натуре, но они глубоки и имеют чрезвычайно широкое распространение. Они сравнимы с индуистским понятием *майя*, иллюзией. Они являются собой нечто вездесущее, хотя в конечном итоге нереальное, нечто, за пределы которого мы должны вырваться. Конечно, все миротворцы должны внимательно относиться к этим проблемам и их следствиям. Я иногда даже подумывал, а не посвятить ли мне всю эту лекцию (да и всю свою жизнь) уничтожению основного источника насилия, рекомендуя молитву или психотерапию на индивидуальном уровне, а на уровне более высоком – социальные и политические меры, направленные на разрушение или изменение институтов, пропагандирующих и поддерживающих насилие.

Я воздержался по трем причинам. Во-первых, я не смог бы сделать этого как следует. Полагаю, я достаточно ясно представляю себе, что у нас не так, но мне вовсе нелегко сказать, как изменить существующую ситуацию и что предложить взамен. Помимо рекомендаций, например, действовать сообща, а не конкурировать, уничтожить основные виды неравенства, и всеобщего разоружения, у меня, пожалуй, и нет других оригинальных или полезных предложений. Я слишком легко мог бы погрузиться в туманные абстрактные размышления об универсальном средстве от всех зол, позабыв о тех немногих практических моментах, о которых мог бы рассказать.

Во-вторых, я уповаю на то, что все Друзья и все люди доброй воли, способные проникнуть в сущность происходящего, в любом случае работают ради мира своими собственными способами, надеясь осушить источники насилия в себе и в своих сообществах. Ведь так много нужно сделать на всех уровнях и в самых разнообразных

областях, а потенциальные возможности у всех разные. Любая попытка очертить границы и закрепить конкретные роли попросту создаст ограничения.

В-третьих, хотя я и ограничил свои комментарии к миротворчеству в более специфических немирных ситуациях, нежели к почве, из которой они произрастают, многое из того, что я собираюсь сказать, относится все-таки именно к основе. Основное упование на осознанность, признание «частицы Бога» в нас, вслушивание, социальные перемены, уничтожение социальных несправедливостей и структурного насилия должны повлиять на более основополагающие вещи, нежели на конкретную ссору.

II

ЧАСТИЦА БОГА

Чтобы оценить божественную искру в других, мы должны признать ее в себе. Но, по крайней мере, мне самому как-то легче согласиться с тем, что скорее другие суть дочери и сыновья Господни, нежели я сам. Когда мы видим, что другие совершают недобрые, глупые или попросту плохие поступки, мы находим для них извинения – дескать, они были встревожены, плохо информированы, у них было трудное детство, на них оказывали давление. Однако если речь идет о нас самих, мы слишком хорошо осознаем собственные банальные мысли, сомнительные мотивы, лень, тщеславие, корыстолюбие и так далее. Как же мы можем верить, что в нас есть частица Бога? Какими минимальными свидетельствами к тому мы располагаем?

Что ж, для начала, рядом с нами есть другие люди. Мы можем сознавать, что у них есть недостатки, но чем лучше мы знаем их, тем больше удивительных качеств мы видим. Когда, казалось бы, можно ожидать от них ругательств, они говорят с милосердием; когда, казалось бы, можно ожидать, что они сдадутся, они вдруг выказывают непоколебимую стойкость; когда, казалось бы, можно ожидать от них ненависти, они любят. Против любого детерминистского давления они демонстрируют свою свободу. В таких людях я вижу мудрость – глубокую, проницательную и исполненную сострадания. Я вижу силу, проявляющуюся в пылком жизнелюбии, тот тип энергии и моци, в которых сливаются нераздельно физическое и духовное, и которые проявляются в способности нести утешение, а это слово, конечно же, подразумевает силу. Я вижу любовь в том смысле льющейся через край и всеобъемлющей теплоты, для которой нет преград. И я вижу, что эти человеческие качества, которые зачастую меньше всего наличествуют у тех, кто чаще других о них разглагольствует, являются общечеловеческими. Это справедливо относительно меня и вас. И те, другие, могут видеть их в нас, точно так же, как мы – в них.

Мы должны научиться по-доброму относиться к самим себе. Но не с той трепетностью, что есть не что иное, как потакание собственным слабостям, и которая, по сути, жестока, поскольку разрушает нас, но с нежностью и уважением к нашей истинной личности, как к проявлению Божьей воли. К сожалению, у всех нас развилось фальшивое представление о личности. Это лоскутное одеяло, сшитое из представлений о том, кем мы хотели бы быть, и страхов относительно того, кем мы не являемся; качествами, которыми мы хотели бы обладать, но боимся, что их у нас нет; из наших действительных достижений и наших фантазий; из нашего чувства неполноты, и т.д. и т. п. Но все это всего лишь внешняя сторона, личина, маска, чья гримаса скрывает божественную основу нашей сущности. И Экхарт и Рёйсбрук утверждали, практически в один и тех же словах, что «мы есть Бог в Боге».

И все же, как мало обращается внимания на эту особенность даже среди квакеров. Иногда мне кажется, что даже мы считаем эти слова вроде догмы, заявляем, что верим в них, но на самом деле не *чувствуем* их правдивыми. Возможно, все догмы превращаются в пустые слова. Или же возможно, у нас выработалось некое фальшивое чувство

смиренности. Осознание правды действительно должно вызвать в нас чувство смирения, но не потому, что мы, следя мысли Паскаля, являемся отбросами мирозданья, а по прямо противоположной причине. Комбинацию смирения и ликующей гордости за свою божественную природу прекрасно выразил Ангелус Силезиус:

Я – образ Божий: и посему, когда Господь захочет увидеть
Себя, ему придется опустить свой взгляд, чтобы себя во мне узреть.

Но если даже и так, откуда мы узнаем, что это правда? «Внутренний Свет, – говорит Руфус Джонс, повторяя многих других, – это опыт...»*

*Rufus M. Jones, *An Interpretation of Quakerism*. London: Quaker Home Service, 1930, rptd 1979. Here one of the best known Quaker writers expresses a widely held belief of Friends.

Это нечто, что мы должны почувствовать, но, возможно, мы далеко не всегда поймем, что именно мы чувствуем. Это ощущение может захлестнуть нас колossalной, безошибочно узнаваемой интенсивностью, но может прийти к нам и в виде медленного расширения сознания, которое мы даже не замечаем, как не замечали, что растем, когда были молоды. И это расширение может наполнить нашу жизнь новыми убеждениями и целями. Это переживание обычно случается во время молитвенного собрания, но может случиться и в любое другое время. Сила переживаемого может возрастать или идти на убыль. Иногда мы по несколько дней кряду даже не вспоминаем об этом, но, когда мы оглядываемся назад и вспоминаем то время, мы замечаем произошедшую перемену; мы выросли. Наша фальшивая личность стала слабее. Фантазии о материальных достижениях, эгоистические амбиции, наше самолюбие, становятся менее очевидными по мере того, как мы вступаем в более тесный контакт с нашим настоящим «я». В своем роде, мы более счастливы, но одновременно и более несчастливы, поскольку мы понимаем необходимость расстаться с иллюзиями, к которым мы все еще привержены – и мы понимаем, сколь они многочисленны. Рёйсбрук выразил происходящее с нами следующим образом: «Господь в глубине нашей принимает Бога, нисходящего к нам; Бог созерцает Бога».

Возможно, было бы только справедливо после обсуждения вопроса в довольно общей и абстрактной манере проиллюстрировать вышесказанное моим собственным опытом. Почти всю свою жизнь, и до и после моего присоединения к Друзьям, я интересовался религией, особенно мистицизмом, но мой интерес носил в основном чисто умозрительный характер, он не затрагивал сердце. Потом, приблизительно лет двенадцать тому назад, подошел к концу сложный и опасный период в моей жизни. В течение нескольких дней после этого я испытывал легкость и счастье столь интенсивные, что могу назвать их блаженством. У меня, однако, не было никаких видений, не случилось ничего из ряда вон выходящего, но я вышел из этого периода твердо зная, что должен быть нацеленным на свою внутреннюю жизнь. То, что казалось школьским отвлекающим маневром должно стать реальностью. С тех пор имели место и многочисленные оплошности, и много раз попадал я в тупики, и, тем не менее, оглядываясь назад, я с некоторым удивлением вижу, чем я занимался и чего хотел в прошлом.

Мы должны научиться любить себя. Не баловать, но в то же время и не попрекать и не принижать – это означало бы недооценивать творение Господа. И в самом деле, любить себя с полным на то правом есть непременная предпосылка для любви к кому-нибудь другому. Мейстер Экхарт писал об этом следующим образом: «Пока вы любите другого человека меньше, чем себя, вы не можете должным образом полюбить себя; если вы любите всех одинаково, включая и себя, вы будете любить всех как единое создание, которое есть и Бог и человек».

На словах это кажется легко. Все, что нам нужно, это любовь, как верно пели «Битлз». Но мы в большинстве своем погрязли в неверных представлениях о себе. И нам нужно от многоного избавиться, прежде чем мы сможем принять простые животворящие истины. В каком-то смысле, стереотипы человеческого существования действительно играют против нас. Почему-то мы забыли, кто мы есть, и отсюда все наши ошибки. С ранних лет мы преисполнены ошибочными представлениями о себе, принимая на веру теории некоторых теологов, бихевиористов или откровенных циников о человеческой природе, унижающие человеческое достоинство. И когда мы самым скверным образом убеждены в собственной неполноценности, тогда мы ищем компенсации, безудержно похваляясь своей добродетелью и умом. Забывая об источнике всего добра и могущества в великолепной вселенной, частью которой мы являемся, мы требуем признания нашего личного вклада во все прекрасное и совершенное, в каждое проявление нашего личного превосходства (тем самым, по умолчанию, несовершенство кого-то другого). Вот так и получается, что Свет прячется, истина забыта, Семена скрыты в оболочке.

Но и Свет, и истина и Семена остаются невредимыми. Их невозможно разрушить, поскольку они частица творения и результат творения. Они являются собой истинную суть и сияют сквозь все. Невзирая на все трудности и препятствия, любовь озаряет наши жизни.

И, тем не менее, мы должны стремиться к осознанности, к бодрствованию и к тому, чтобы осознавать свою сущность, быть настороже. Ведь на протяжение нашей жизни мы так много времени проводим во сне, невзирая на ясный призыв Блейка:

«Проснись, проснись, О спящий в земле теней, не спи! Расправь крыла!»

Вместо этого мы верим, что грезы о наших фальшивых сущностях есть реальность. Мы тоже спим, хотя и в ином смысле слова. Мы не сознаем, кто мы, но ведем себя как автоматы, реагирующие на побуждающие импульсы. Обрывки сознания мы принимаем за разум, и они мелькают сквозь наше прошлое, вызывая чувство вины или ностальгию, или сожаление, или же сквозь будущее с надеждой или тревожными предчувствиями. Если позаимствовать многозначительное название памфлета Дугласа Стира, нас нет там, где мы есть. Но мы не признаем этот факт, как видно из анекдота о св. Франциске. Святой и его сотоварищ, путешествовавший вместе с ним, заговорили о молитве. Спутник св. Франциска считал, что молитва – дело несложное. Св. Франциск с ним не согласился. Почему? Да потому, что во время молитвы трудно оставаться собранным и сконцентрированным на словах, которые произносишь. Путешественник сказал, что у него такой проблемы нет. Хорошо, сказал св. Франциск, если ты прочитаешь «Отче наш» и честно скажешь, что все время осознавал, что говоришь, а не просто повторял как попугай слова молитвы – тогда я подарю тебе своего осла. И ответил ему попутчик: Прекрасно, твой осел не хуже моего. И начал молиться: Отче наш, сущий на небесах, на святится имя твое, да... а седло тоже отдашь?

Склонность спать относится к самым общим человеческим состояниям, но она не естественна. То есть, я хочу сказать, что она не присуща нашей природе. Мы только должны признать эту природу, Святой Дух, Христа, «частицу Божью», которая никогда не спит. И только-то? Достичь этого и есть основополагающая цель всех религий, но чистота этой цели исковеркана и затуманена. И требуется кто-то вроде Джорджа Фокса, чтобы восстановить фундаментальную простоту религии, ту самую простоту, которую Друзья всегда старались отразить и в своем образе жизни.

Часто мы прилагаем слишком большие старания. Мучимые сознанием собственной неполноценности, мы боремся со своими искушениями, стараемся молиться, прилагаем усилия, чтобы помнить о Боге. Но это все неправильный подход. Поскольку мы сотворены по образу и подобию Божьему, поскольку Бог живет в нас, мы уже безупречны; нужно только признать этот факт в тишине и с благодарностью. Точно также мы обладаем всем

знанием, которое нам необходимо, поскольку души наши имеют доступ к неизмеримому пониманию Бога, образуя, собственно говоря, частицу его. Более глубинный уровень нашего разума есть разум универсальный, источник всей мудрости. Однако наш доступ к глубинному разуму заблокирован мусором предрассудков, страхов, воспоминаний об обидах, неразберихе и унижении, о симпатиях и антипатиях, и поверх всей этой сумятицы налагается дезинформация об истинной природе нашей. Мы введены в заблуждение, полагая, что способны решить все свои проблемы, включая и духовные, посредством интеллектуальных усилий. Поэтому мы толкаемся и пихаемся локтями, ворошим мнения и навязчивые идеи, давимся непрожеванными кусками информации и разных теорий, а ведь все, что нам нужно, это остановиться, прислушаться и позволить благодати осенить нас.

Я отнюдь не отношусь пренебрежительно к потенциалу нашего опыта и образования, они могут помочь нам в поисках истины, но только когда служат проводником для функционирования универсального разума. Мы же сами по себе, прибегая исключительно к нашим приобретенным умениям и навыкам, не можем ничего. Друг Мэри Ф. Смит* метко подметила, что молиться о своей работе значит, прежде всего, «понять собственную неспособность к выполнению даже знакомой работы должным образом, пока я не войду в контакт с вечностью, пока я не начну работать “под водительством Бога”, пока Отец не пребудет со мной».

* Mary F. Smith, “The Place of prayer in life” in *Studies in Quaker thought and practice*, ed. by Gerald Hibbert. London:Friends Home Service Committee, Pt. 2, 2nd edn., 1936.

Разум, истинно человеческий разум соединяет нас с всеобщим интеллектом. (В Тибетской «Книге великого освобождения» разум упоминается как обладатель интуитивной мудрости, как одинокое семя, как потенциал истины, сущность Будды, и основа для всего сущего.) Это не компьютерный разум, с обширной базой данных и теоретической информации, с механической памятью и автономными действиями, поддерживающими наши жизненные функции. Возможно тесное соединение обеих этих разновидностей, и компьютер вполне может обслуживать извечный разум. Но, если мы решим, что именно компьютер держит ситуацию под контролем, тогда мы потеряем из виду истинный разум.

Истинный разум можно сравнить с прозрачным глубоким омутом. Можно заглядывать в него все глубже и глубже, и не увидеть дна. Но листья дерева, что растет неподалеку, падают и плавают на поверхности, так что мы видим только рисунок, в который они сложатся (причем разные люди увидят разный рисунок, в зависимости от разницы в «индивидуальностях», причудах, странностях, опыта, идеях, культуре, взглядах и мнениях, доктринах, которых они придерживаются). Вы можете даже никогда и не узнать, что там вообще есть омут, если не видели его раньше. Но иногда подует ветер, дыхание действительности, и он сметет в сторону листья и откроет хотя бы часть омута. Очень редко, но все же бывает и так, что листья сдувают с поверхности навсегда.

Листья на поверхности омута, все эти пузырьки и ненужные украшения на поверхности разума, наши самонадеянность, тщеславие и страхи не имеют ничего общего с нашей истинной природой, и все же застят ее, создавая мираж из иллюзий, в котором мы в основном и пребываем.

Самыми фатальными из этих иллюзий как раз и являются фальшивые представления о нашей истинной природе, о том, что мы тупы, неадекватны, разворачены. Или же наоборот что мы умны, очаровательны, щедры, что практически так же дурно до тех пор, пока мы считаем, что это наша личная заслуга, а не благодать Божья.

Далее, мы идентифицируем себя со своими телами. Я хорошо себя чувствую. Я болен. У меня болит голова – что вскоре превращается в – я и есть головная боль,

пульсирующая боль овладела мною. Но мое тело это не я. Я наследник всего творения, и мое тело всего лишь временная конструкция для моего обитания согласно божественному замыслу.

Снова и снова мы идентифицируем себя со своей работой, или ролью, или функцией (функциями) в жизни. К счастью, большинство женщин перестали идентифицировать себя с ролью мужней жены, но по-прежнему многие идентифицируют себя как учительница, врач, член парламента, мать, домохозяйка или с какой-нибудь другой ролью или функцией. Я сам готов был идентифицировать себя как профессор, или кем еще я был в тот момент. Но, хотя я работал в этой должности, я был профессором не больше, нежели мужем, отцом, налогоплательщиком, обладателем водительских прав, и т. д. и т. п.

Нет. Мы не укладываемся в рамки наших ролей. Какими бы важными или великолепными они ни были, мы представляем собой нечто более возвышенное – личность, которую Томас Трахерн описал в следующих словах в поэме «Мой дух»:

О дивная Душа! О Света Круг
О светлой Радости круг;
О Дело, О Сила без границ;
О Тонкий и безмерный Эфир!
О живой зрячий Свет!
Ты есть во мне, и ты есть Я! Хотя Ты
и вместилище всей бесконечности!

Представляется вполне резонным согласиться с тем, что мы и других людей должны рассматривать в свете того, что Бог и в нас и в них. Какими глазами мы смотрим на себя, так мы должны смотреть и на них. И в самом деле, как я уже говорил, вполне возможно, что нам легче рассмотреть божественную сущность именно в других людях. И если нам не хочется обвинять себя, тем щепетильнее мы должны критиковать других, поскольку мы никоим образом не посвящены в их приватные внутренние конфликты. Все, что нам известно, это то, что у них, точно так же, как и у нас, эти конфликты имеются. Проявляться они могут по разному, но суть остается одна и та же – когда мы критикуем других, тем самым мы подвергаем критике себя самих, и тем самым наносим вред и им и себе. Что представляется еще более важным – мы должны возлюбить ближнего, как самого себя. (Мне сказал ученый-талмудист, что предписание возлюбить близких своих как самого себя означает любить их потому, что они фактически такие же, как и мы сами.)

Аналогичным образом, мы не можем льстить своим друзьям, уверяя их, что они, к примеру, умнее, мудрее или добре, чем кто-то еще. Мы не можем восхвалять лично их за что-то, за что они сами не несут никакой ответственности. Это будет означать, что мы отнимаем у Бога нечто, по праву принадлежащее ему. Вполне возможно, что такое действие подпадает под заповедь «Не укради». Что мы, однако, вправе сделать, и что, к сожалению, редко исполняем в полной мере, это хвалить наших друзей за проявления божественных качеств – любви, разумности, силы, отваги, стойкости, преданности, кротости, щедрости, бескорыстия. В каком-то смысле подобное поведение является собой акт служения, в котором божественная любовь и любовь человеческая чудесным образом сливаются воедино. Одновременно мы оказываем услугу своим друзьям, тем самым помогая им признать благородство их личного статуса, и таким образом проявить его еще разнообразнее. И чем чаще мы будем обращаться с людьми таким образом, тем более изобильное разнообразие откроем мы в них. При каждой встрече мы будем обнаруживать что-нибудь редкостное и удивительное, новую грань призмы, сквозь которую преломляется бесконечное сияние вечности.

Я говорил здесь об отношении к себе и отношении к другим, но такая формулировка представляется в каком-то смысле парадоксальной. Все эти отношения определяются тем общим, что есть у всех у нас – частицей Бога. Это не просто фигура речи. Хотя все мы неодинаковые личности, есть уровень, на котором все мы объединяемся, воссоединяясь в едином измерении, существование которого признают многие, и которое носит различные названия. Юнг, к примеру, называл это коллективным бессознательным. Говард Бринтон выразил свою мысль в следующих словах: «Глубинный слой нашей личности это то, что мы разделяем с другими. Это лоза, ветвями которой все мы являемся, жизнь Бога, на которой основываются все наши отдельные жизни». Эта цитата фактически есть не что иное, как перефразированное высказывание Трахерна – мистики видят жизнь одинаково. Достижение единения с Богом внутри себя и через Бога с другими – вот цель религиозной жизни, можно даже сказать цель всего человеческого существования. В тех пределах, в которых нам удается достичь ее, мы находимся в постоянном контакте друг с другом, одновременно оказывая глубокое влияние друг на друга, даже если зачастую сами этого не осознаем. Если кто-то испытывает сомнения по поводу справедливости данного замечания, пусть он вспомнит, насколько сильно влияет на нас атмосфера счастья, или же наоборот подавленности. Это всеобщий, и даже не относящийся исключительно к духовной сфере уровень, несомненно, объясняет такие феномены, как телепатия и бессловесная коммуникация, которая часто имеет место между близкими людьми. Я сам иногда испытывал это во время молитвенных собраний, когда мои мысли неожиданно обращались к какой-нибудь теме, о которой вскоре начинал говорить кто-то из Друзей. Один мой друг, не особо религиозный человек, рассказал мне, что как-то раз, как ни странно в такси в Калькутте, он испытал чувство совершенной общности сначала с другими пассажирами, а потом и со всем миром. По его словам, он больше не мог испытывать враждебность к Ричарду Никсону, а дело было как раз во время скандала Уотергейта, потому что он в каком-то смысле сам был Никсоном.

Для тех, кто никогда не испытывал ничего подобного, приведенный пример может показаться притянутым за уши, но другим знакомо это ощущение. Даже если оно выражено в событии тривиальном и незначительном, как, скажем, когда кондуктор в автобусе ответил на все мои вопросы до того, как я их задал. А может прозвучать и ошеломляюще, как в случае с Паскалем, который, несмотря на всю свое искусство в выражении собственных мыслей, смог описать его только одним словом: «пламя». Все эти переживания являются собой пример единения на том или ином уровне, а мистицизм и созерцание как раз и ведут к некоей форме единения. Автор «Облака неведения» называл это «упражнением в единении». Единению, однако, препятствуют наши фальшивые сущности. Для буддиста миф о разделении, как они его видят, вызванном такими сущностями, является самым страшным грехом. Ад есть состояние разобщенности*.

* Я в высшей степени обязан Уильяму Джонстону за озарения, обретенные во время чтения его книги «Внутренний взгляд любви» (“The Inner Eye of Love”, см. библиографию). Эта книга, вместе с «Возвращением к центру» Беды Гриффитса (Return to the Center” by Bede Griffiths, также упомянутой в библиографии), вместе образуют один из самых убедительных аргументов в бесконечном споре об универсализме, является ли квакерство христианством, или же нет. Оба автора католические священники, христианские богословы с безупречной репутацией. Но в то же время они выказывают глубокое уважение к духовным свойствам индуизма и дзэн, которые высвечивают дополнительным светом определенные аспекты их собственной веры, точно так же, как христианство обогащает восточные религии.

Когда мы опускаемся ниже или поднимаемся над своей личностью, мы мельком отмечаем универсальность, в который все мы сливаемся воедино, и в которой растворяется разделение ты-я. Это вовсе не говорит о том, что теряется осознание индивидуальности. Мистический парадокс как раз и состоит в том, что мы видим себя одновременно и как частицу отделенную и как неотъемлемую часть целого, из которого все мы вышли, в которое мы вернемся, и в котором мы существуем. Наше сознание расширяется, и, кажется, что оно включает в себя многие другие сознания, так что мы получаем способность воспринимать реальность гораздо полнее и глубже, нежели посредством наших обычных человеческих органов чувств. Вспомните тот глубокий, прозрачный омут, каковым является наш разум. Он проистекает из безмерного подземного резервуара, в который все мы можем погрузиться, и в котором тонет фантазия о разделенности. Испытав это в какой-то степени, мы получаем истинное понимание наших отношений друг с другом, не только с нашими друзьями, но со всеми. Мы все члены одного тела, как убедительно говорит св. Павел. Страдает ли один член, страдают с ним все члены. Точно так же страдает все мое тело, если я вывихну палец, даже если все остальные члены не повреждены. Мы живем в мире, в котором больше половины людей страдают от голода, нищеты, угнетения, невежества или войн. Положение дел таково, как если бы половина нашего тела обожжена и пострадала гораздо сильнее, нежели от простого вывиха. Разве не должны мы все разделить эту боль и попытаться облегчить ее? Все мы вовлечены в дела всего человечества, поскольку мы и *есть* все человечество.

Часто ответ на такое высказывание весьма безнадежен: «конечно, сказать можно все, что угодно, и даже в этом может быть какая-то правда в метафизическом и теоретическом смысле, но что это реально значит для меня, что я могу сделать?»

Ответ простой, хотя может оказаться так, что принципу, который он подразумевает, иногда совсем непросто следовать. Чем глубже мы осознаем и признаем, что Бог в нас, тем самым наслаждаясь единением, что составляет самую суть молитвы, тем шире открывается доступ к знанию, которое и покажет нам, что делать. И чем осознаннее будет наше понимание присутствия Бога в других, тем ближе мы к ним будем. И так, с течением времени, едва ли даже понимая, что делаем, мы будем мудро, мягко и должным образом служить друг другу, с одинаковым успехом служа и Богу и друг другу. И важной частью нашего служения является миротворчество, чему и посвящена остальная часть данной работы.

III

ПОНЯТИЕ МИРОТВОРЧЕСТВА И ЕГО ПРОЦЕСС*

В этой главе мы переключаем передачи. В первых двух главах в основном рассматривалась духовная психология. Здесь и в последующих двух главах мы рассмотрим применение этой психологии к практическому миротворчеству. Данная глава открывается дефинициями и/или обсуждением темы мира и связанных с этим вопросов. Это важно, поскольку изучение мира дело новое и неточное в отличие, скажем, от экономики, и еще дальше от естественных наук, таких как физика. Ему не хватает общепринятой терминологии и четко определенных основных понятий. Поэтому каждому, кто пишет по этим вопросам, необходимо прояснить значение, присваиваемое различным ключевым терминам. Такие слова, как мир, конфликт и насилие широко используются в обычных разговорах, но если мы собираемся использовать их в качестве терминов, с более узким значением, их необходимо объяснить. По правде говоря, такие слова, как мир, особенно трудны, поскольку являются эмотивными, абстрактными и субъективными. Многие разногласия, возникающие в спорах о мире, являются, по сути, семантическими. Люди используют разные слова, имея в виду одно и то же, или же одинаковые слова, подразумевая различные понятия. Трудности в понимании могут

усиливаться неоднократно, поскольку люди, вносящие свой вклад в дело изучения мира и конфликтов (зачастую эти два понятия ставятся в один ряд) имеют самый разнообразный жизненный опыт и теоретическую подготовку. Отец-основатель предмета, квакер Льюис Фрай Ричардсон, был статистик, избранный в Королевское Общество за новаторские работы в области метеорологии.

* Кто пожелает глубже вникнуть в концепции, представленные в этой главе, могут заглянуть в другие мои книги, где они раскрыты более подробно: *Making peace*. London: Tavistock, 1971 и *Mystics and Militants*. London: Tavistock, 1972

Как будет совершенно очевидно читателю, на мои дефиниции и интерпретации заметное влияние оказали мои взгляды на человеческую природу. Я не выпячиваю данный поход при каждом удобном случае, но надеюсь, что соотношение между духовной идеей и концепцией мира будет очевидно. Кое-кто может возразить, что в таком случае данный труд уже не является социологической работой, свободной от оценочных суждений (или что я там пишу). По моему мнению, такого определения попросту не существует. Все экономисты, антропологи, историки и т.п., как бы непредвзято ни обращались с данными, все равно одновременно выражают определенную точку зрения. И единственной реальной предвзятостью будет отрицание этого.

Мир

Это слово самое главное и в то же время самое сложное из всех слов. Когда я впервые оказался активно вовлеченным в ситуацию международного конфликта, мне и в голову не приходило усомниться в том, что мир – это попросту противоположность войне, и наоборот. И только когда я попытался размышлять о своем опыте систематически, я понял то, что на самом деле всегда знал, но что трудно допустить разуму, привычному к общепринятым значениям слов «мир» и «война». А именно, что в человеческом опыте существует неисчислимое количество ситуаций, которые невозможно назвать мирными, но в которых, тем не менее, отсутствуют войны или неприкрытое насилие. Подобные ситуации появляются как в широких, так и малых масштабах. В результате в целых сообществах страдают бедняки, или же те, у кого неправильный цвет кожи, или религия, или язык. Страдание принимает очертания экономические, культурные, политические, социальные и психологические. Я начал понимать, что, невзирая на исключения самого разного вида, целые системы, такие как колониализм, несут насилие жертвам несправедливости. Я осознал, что в слишком многих странах внешний порядок поддерживается посредством жестокого истребления несогласия, и выражение мучений и отчаяния сдерживается только страхом репрессий. В таких местах убийства, террор, мучения и заключения без суда и следствия оправдываются необходимостью поддерживать «закон и порядок». Для случайного гостя на поверхности все спокойно, «поезда ходят по расписанию». Но можно ли назвать это миром? Очевидно, нет. Задействованы почти все ужасы войны, переживаются почти все ее страдания. На данном этапе я не хотел бы затрагивать вопрос контр-насилия, яростной мести жертвы, порождающую подобным угнетением (которую правители называют терроризмом). Я бы только хотел подчеркнуть, что отсутствие войны есть необходимый, но не достаточный базис для дефиниции мира.

В Свортморской лекции 1974 года Вольф Мендел упомянул, что слово, которое мы переводим на английский язык как «мир» имеет различные, иногда весьма отличающиеся друг от друга оттенки значения в различных культурах – Воля Божия, Справедливость, Процветание, Умиротворенность Разума. Я думаю, что, если спросить многих в нашей стране, они определят значение мира помимо отсутствия войны, как отсутствие

конфликта (сложное слово, которое мы обсудим несколько позже), и что мы должны приравнять это понятие к поддержанию справедливого, порядочного и демократического социального устройства – при наличии разумных ограничительных мер для тех, кто без всякой на то причины может попытаться разрушить его. Но другие гораздо больше внимания могут уделить исправлению того, что можно посчитать несправедливостью и неравенством (эти понятия мы скоро рассмотрим подробнее). Некоторые члены меньшинств, люди, уже почувствовавшие беспомощность нищеты, инвалидности или возраста, скажут, что «мир» для большинства покупается за счет несчастья меньшинства. В мою задачу не входит спор о том, является ли это мнение верным или нет, хотя я знаком со многими примерами, когда оно безусловно справедливо. Я также осведомлен о том, что многие страстно это мнение поддерживают. Потому что для них мир можно достичь, только изменив общество. Для них мир означает общество, не применяющее насилия по отношению к своим гражданам. Возможно, здесь нужно добавить, что этот взгляд на мир, который можно назвать революционным взглядом на мир, никоим образом не относится только к нашей стране. Он образует часть философии многих групп, борющихся против угнетения по всему миру. Поскольку при этом обычно прибегают к борьбе и конфронтации, его можно назвать «немирным» подходом к миру. Большая часть печально ожесточенных и яростных разногласий, бушующих среди занимающихся изучением проблем мира, отражает конфликт между теми, кто верит, что мир невозможна достичь без радикальных перемен, и теми, кто придерживаются точки зрения, что подобный подход уже сам по себе является антитезой миру, и что мы должны опираться на стабильность и добрую волю, которые хоть в какой-то степени присутствуют в обществе.

А ведь есть еще и те, чье определение мира намного субъективнее. Хотя большинство из нас, вероятно, включило бы умиротворенность в нашу личную дефиницию, есть все же и те, кто уделяет особое внимание умиротворенности и душевному покой, как, скажем, в индийской и конфуцианской культурах. Некоторые и в самом деле отождествляют душевный покой с миром Божиим. Конечно же, очевидно, что существуют некая связь между миром внутренним и миром внешним. Если мы мечемся в исступлении, рассержены, испуганы, обеспокоены, мы и ведем себя соответственно. Если же в душе у нас царит мир и покой (я, конечно же, не имею в виду апатичную пассивность или оцепенение), то гораздо больше шансов на то, что и вести себя мы будем разборчиво, справедливо, позитивно и мирно.

Однако, в поисках дефиниции мира, которая была бы практически полезна при встрече с ситуациями, когда миролюбие отсутствует, я обнаружил, что очень трудно принять во внимание все эти в высшей степени различающиеся аспекты: внутренние или субъективные, революционные изменения и сохранение стабильности. Ну а самое главное, я обнаружил, что слово «мир» используется всеми этими разнообразными интерпретаторами абстрактно, чтобы обозначить «состояние». Вместе с тем, чем больше я над этим думал, тем серьезнее убеждался в том, что, хотя существует неисчислимое количество состояний, которые мы можем назвать «миром», или наоборот, отказаться сделать это в зависимости от желания, *почти все они – эти состояния – проис текают из того, что люди делают друг с другом*. (Я говорю «почти все», потому что Божий мир явно даруется Господом; но даже если и так, то познание этого мира наверняка оказывает огромный эффект на то, как мы ведем себя по отношению к нашим собратьям.)

Следовательно, я счел целесообразным определить мир скорее как отношения – между отдельными личностями, группами, нациями, расами, и т. д. – нежели как состояние. Сначала я дал негативное определение характеру или отношению. Рассмотрев все отношения, которые практически по любому стандарту можно счесть немирными, оказалось, что у них есть одна общая черта – они наносят вред людям. Людей убивают, калечат, с ними обращаются несправедливо, их угнетают, эксплуатируют, обманывают, ими манипулируют, их разум коверкают пропагандой или ложью, над ними издеваются, унижают, развращают, порабощают, запугивают, выгоняют из жилищ, принуждают

раболепствовать и попрошайничать, заставляют людей чувствовать себя глупыми и неполноценными. Ясно, что при таких условиях их шанс реализовать свой действительный человеческий потенциал, увы, уменьшается. Я знаю, что некоторые как раз и добиваются победы в неблагоприятной обстановке, но я видел достаточно горя, чтобы знать, что такие случаи крайне редки. Более того, нам следует думать и о тех, кто творит все эти разрушения. Они искалечены точно так же, как и их жертвы, хотя и по иному.

Вот таковы немирные отношения. Они варьируются по значимости от глобальных отношений между бедными и богатыми нациями, до едва заметных – и зачастую вполне пристойных на первый взгляд – преследований в семейной жизни.

Мирные отношения, по контрасту – это такие отношения, в которых вовлеченные в них отдельные личности или группы, через структуру этих отношений получают большие возможности стать тем, кем они на самом деле являются. При этом в таких отношениях они еще и получают активную помощь.

Некоторым Друзьям может показаться, что я предлагаю интерпретацию Свидетельства о мире, слишком далеко отошедшую от оригинала, но фактически достаточно верно развивающую тему свидетельства против войны, которая, конечно же, является самым ярким примером немирных отношений. Далее, им может показаться, что, раздвигая границы понятий мира и не-мира, в смысле привлечения понятий мирных и немирных отношений, я раздвинул их так широко, что сами понятия потеряли смысл и практическую значимость. И уж наверное, они могут пожаловаться, что в этом случае мое исследование охватывает почти весь диапазон человеческих отношений. Так оно и есть. Я верю в то, что практика миротворчества является, или должна являться универсальной человеческой функцией. Проистекая от частицы Бога в нас, наша общая задача – работать ради достижения гармонии, где бы мы ни находились, стремиться объединить все то, что разделено страхом, невежеством, ненавистью, неприязнью, несправедливостью или любым другим из тех состояний или умонастроений, что разделяют нас. Я намереваюсь в общем и целом концентрироваться на более значимых и привлекающих всеобщее внимание вопросах, но, если окажется, что принципы и правила им присущие, нельзя применить к событиям меньшего масштаба, значит, что-то наверняка не так с самими принципами.

Я также надеюсь, что мои слова смогут подбодрить тех людей, которых я так часто встречаю, и которые не видят, что они могут сделать для того, чтобы облегчить страдания мира. Но важнейшие проблемы вырастают на фундаменте бесчисленного множества проблем помельче. Каждый раз, когда мы сеем любовь там, где была ненависть, мы восстанавливаем гармонию вселенной.

Конфликт, насилие и другие понятия

Существует целый ряд слов и понятий, которые ассоциируются с миром, будь то в позитивном или отрицательном смыслах. В этот ряд включаются такие понятия, как конфликт и разрешение конфликта, насилие в разнообразных формах, ненасильственные действия, конфронтация, примирение и осознанность.

Иногда конфликт считают антитезой миру, но это не совсем так. Возможно, неточность возникает из-за двух вероятных способов употребления слова. Иногда мы используем его, как синоним схватки, борьбы, битвы. Иногда мы вкладываем в него смысл несовместимости, или конфликта интересов. Будучи использованным в этом втором смысле, слово далеко не всегда подразумевает нечто разрушительное, хотя, конечно же, конфликт интересов может привести к конфликту в его первоначальном значении. Однако возможен и такой вариант, когда слово означает разницу во мнениях, из которой может вырасти озарение.

Слово «конфронтация» также часто рассматривают в связи с конфликтом – конфронтация может привести к конфликту (в смысле к схватке) или наоборот. Но так происходит далеко не всегда. Конфронтация может вынести на всеобщее обозрение зреющий конфликт, к примеру, существовавший в Америке между белыми и черными. Гневные конфронтации конца 60х годов, хотя и были пугающими, на деле привели к гораздо более глубокому пониманию многими белыми американцами природы конфликта и вследствие этого к улучшению отношений между расами.

Связанное с вышеупомянутым понятие разрешения конфликта может относиться к двум категориям ситуаций. В первой это понятие обычно так и трактуется, две конфликтующие стороны приблизительно равной силы, сходятся лицом к лицу или же через посредников, и вырабатывают взаимоприемлемые компромиссы, поторговавшись, приходят к договоренности и взаимным уступкам – или пытаются сделать это. Во втором случае, две враждебные группировки обладают неравноценной силой, одна из них, к примеру, может быть обездоленным меньшинством. В этом случае нет смысла вести переговоры по модели с равноценными участниками. В конце концов, с какой стати более сильной стороне заботиться о компромиссах? Вследствие этого, конфликт разрешается иным способом. Более сильные могут попытаться полностью раздавить более слабую сторону. Или же более сильная сторона может действовать хитрее и попытаться уменьшить напряжение, проводя реформы, поверхностно изменяющие условия, но являющиеся ничем иным, как временным паллиативом для недовольных, поскольку не затрагивают базовых несправедливостей. Или же, в-третьих, обездоленные могут решиться сделать конфликт достоянием общественности, и разрешить его посредством уничтожения неравенства, обусловившего появление этого конфликта. Эти три последних типа разрешения конфликтов чаще всего ведут к немирным отношениям, открытым или завуалированным. Избежать этого можно только в том случае, когда слабая сторона использует ненасильственные методы (о них мы будем говорить позже).

Многие, если не большинство случаев возникновения немирных ситуаций конфликтов обоих типов связаны с неравенством и несправедливостью. Этот факт имеет ряд неприятных следствий, к которым должен быть готов миротворец: большая часть несправедливостей творится теми, у кого больше власти над теми, у кого соответственно, этой власти нет. Что само по себе уже создает предпосылки к возникновению немирных отношений, и любой, кто захочет изменить положение дел, навлечет на себя неудовольствие власть предержащих. Тем не менее, важно помнить, что понятия несправедливости и равенства далеко не всегда совпадают. Некоторые разновидности равенства могут оказаться несправедливыми, для тех, к примеру, кто выполняет опасные или особо сложные виды работ, или несут большую ответственность по сравнению с другими, а платят им за это столько же, сколько и остальным. Подобным же образом, неравенство не всегда обозначает несправедливость. Многие роли по жизни, например, родители и дети, учитель и ученик, должностное лицо высокого ранга и рядовой гражданин, обладают властью в заметно неравных пропорциях. Однако, хотя и в этих сферах случаются злоупотребления, далеко не всегда такой властью пользуются во вред лицу подчиненному.

Сталкиваясь с несправедливостью, многие люди и группы людей прибегают к насилию, а насилие всегда должно быть отвратительным. Само слово означает незаконное или чрезмерное использование силы, и вследствие него мир разрушается, в том смысле, что препятствует исполнению нашего потенциала. Но с другой стороны, мы должны признать существование длительного и ужасного страдания, вынуждающего людей прибегать к насилию, ту комбинацию отчаяния и идеализма, которые ведут людей по этому пути, и то нежелание, с которым они зачастую по этому пути следуют. Мы должны также помнить, что к проблеме насилия легко применимы двойные стандарты. Так, например, чтобы уменьшить количество преступлений, связанных с насилием, снова вводится смертная казнь или порка!

Как насилие, так и конфликты всех типов тесно связаны с проблемой власти. Угнетенные слои прибегают к насилию потому, что поскольку им не хватает власти, властители смогли поставить их в невыносимые условия, и, следовательно, через насилие они надеются отвоевать достаточно власти, чтобы изменить эти условия. Такой путь ведет к конфликту в смысле к борьбе, и конфликт этот вырастает из конфликта интересов, поскольку правители стремятся сохранить статус-кво, а управляемые хотят изменить это положение дел. Зачастую внимание привлекает именно насилие со стороны жертвы, к которому она прибегает после безрезультатных петиций и жалоб. Тогда люди говорят, что раньше все было так мирно (имея в виду, что подчиненные были пассивны), ну почему им (угнетенным) и дальше не быть терпеливыми? Но насилие наличествовало и раньше, насилие, которое Йохан Галтунг* именует структурным насилием. Этот термин относится к политическому и экономическому неравенству, встроенному в социальную структуру. Насилие системы лишает находящихся на нижней ступени социально-экономической шкалы возможности реализации как материальном смысле, так и в психологическом, принимая во внимание, что их заставляют чувствовать себя униженными и уязвимыми. Неизбежно причинять «нижестоящим» прямой вред, но в большинстве мест, где существует адекватная статистика, выясняется, что у бедных и лишенцев ниже средняя продолжительность жизни и выше уровень детской и материнской смертности, нежели у богатых, поскольку здоровье непосредственно связано с диетой, гигиеной и медицинским обслуживанием.

* Йохан Галтунг, хотя ему сейчас всего лишь 50 лет, является широко признанным «основоположником дисциплины "Исследование проблем мира и конфликтов"» (что, вероятно, делает Ричардсона дедушкой). Я многим обязан ему в интеллектуальном плане, поскольку впитал столько его идей, что теперь мне уже трудно распознать их. Он написал целый ряд книг, но, по моему мнению, работы, написанные для кафедры конфликтологии и исследования проблем мира в Осло в 1970-е годы, проливают наиболее яркий свет на современную ситуацию (см. библиографию).

Безусловно, данное утверждение справедливо для Великобритании, хотя многие и не осведомлены о конкретных фактах.* К поразительным выводам можно прийти, если сравнить жизненный цикл людей, рожденных в высших социально-экономических группах, с представителями более низких слоев. В первые месяцы жизни их шансы на выживаемость в четыре раза выше. У них в семь раз меньше шансов не закончить школу. Следовательно, у них гораздо больше возможностей поступить в университет и получить ученую степень. Это, в свою очередь, более чем в двадцать раз увеличивает для них вероятность найти работу с заработной платой, дающей место среди 10% населения, обладателей 90% национального богатства, по сравнению с молодыми людьми – обладателями сертификата о полном среднем образовании или подобной квалификацией.

* Статистика в этом абзаце взята из “Unequal Britain; a report of the cycle of inequality” by Frank Field. London: Arrow Books, 1974

У них и здоровье крепче, поскольку заболеваемость по всем болезням, за исключением болезней зрения, связана с принадлежностью к социальному и экономическому слою. Когда они вырастают и обзаводятся домашним очагом, вероятность приобретения собственного дома у них в четыре раза выше. Если они работают в промышленности, то, скорее всего, они будут занимать руководящие посты, а в этом случае, у них в 16 раз меньше поводов быть оштрафованными или работать со строго регламентированным рабочим временем, и соответственно риск получить взыскание за опоздание у них ниже в 22 раза. И чем выше они поднимаются по служебной

лестнице, тем заметнее возрастает часть их дохода в виде дополнительных выплат, многие из которых не облагаются налогом. Вероятность потерять работу у них в 11 раз ниже. И, наконец, завершая этот цикл несправедливости и неравенства, отметим, что, благодаря их относительно приятной и комфортабельной жизни, их дети будут жить дольше, нежели дети тех, кому повезло меньше. Уровень смертности среди чернорабочих фактически в два раза выше, нежели среди квалифицированных специалистов. Более того, эти диспропорции длятся, без изменения соотношений, со временем, предшествующих Первой мировой войне. Достоверная статистика по более раннему периоду отсутствует. Именно это и имеется в виду под структурным насилием.

Вероятно, элемент структурного насилия присутствует во всех обществах. Зачастую он, в сущности, никем не признается, за исключением тех, кто самым очевидным образом от него страдает – цыгане, гомосексуалисты, женщины. Нам все не нужно быть людьми, склонными к насилию, которым нравится причинять боль другим, чтобы приводить в движение насилие системы. Достаточно просто согласиться с тем, что мы этого не замечаем, а если даже заметим, тоствуем, что изменить ничего не можем.

Безусловно, Друзья должны всегда отрицать применение насилия, как средства достижения мира, ведь помимо всего прочего, логическая неувязка просто бросается в глаза. Многие с полным правом выступят в поддержку переговоров и политического процесса на местном, национальном и международном уровнях, что возможно и желательно, особенно в эффективных демократических системах. Я надеюсь, что кое-что из того, о чем я буду здесь говорить, применимо к подобным ситуациям. Я, однако, рассматриваю те случаи, когда переговоры или политическая деятельность более формального толка нецелесообразны или же потерпели неудачу.

Вероятной альтернативой является выбор ненасильственных действий. В наше время крупнейшими представителями этого направления были Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг, Дом Хелдер Камара, Цезарь Чавес, Даниэль Берриган и другие, включая многочисленных Друзей, добавляющих духовность к политической проницательности. Суть ненасильственных действий заключается в том, чтобы комбинировать политическую и социальную воинственность при проведении желаемых изменений в обществе, при этом уделяя особое внимание перевороту в убеждениях, стремясь к тому, чтобы обратить своих противников в свою веру. Противостояние при этом необходимо. Жизнь своих противников нужно всячески усложнять массовыми забастовками или гражданским неповиновением. Но эти действия нацелены не на разрушение, стремление отомстить или унизить. Напротив, они направлены на то, чтобы примирить всех в новом возрожденном обществе. Я должен со всей определенностью заявить, что этот подход к ненасильственным действиям весьма отличается от насилия, применяемого как целенаправленная тактика, которая, за исключением применения физической силы, является психологическим и идеологическим эквивалентом войны. Таковым было гражданское сопротивление, оказанное норвежцами нацистским захватчикам в годы Второй мировой войны.

Примирение, конечно же, является конечной целью миротворческого процесса. Это слово, выразительное и прекрасное, означает этимологически восстановление мира. Как будто некогда человечество существовало в мире, потом давшем трещины из-за наших ошибок и дурных поступков. Часто люди думают, что все помехи на пути к мирному урегулированию можно устраниć путем примирения. Другие, однако, полагают, что исправление несправедливостей недостаточно. Эти последние считают, что сторонники примирения – непрактичные идеалисты, тогда как первые уверены, что те, кто стремится прежде всего к справедливости, потерпят неудачу из-за того, что упускают из виду первостепенную важность духовных вопросов. Я верю, что мы всегда должны рассматривать миротворчество в контексте долгосрочной цели примирения, но при этом не забывать о существовании промежуточных целей – надлежащее разрешение конфликта

и удаление несправедливостей – без чего примирение, вероятно, будет вообще невозможным.

И, наконец, я хотел бы рассмотреть понятие осознания, которое является основополагающим как для обсуждения миротворчества, так и для философии, которая, по крайней мере, для меня, лежит в его основе. Под осознанностью (и другие сравнимые термины, такие как сознательность, бдительность и состояние бодрствования) я имею в виду прежде всего осознание нашей собственной природы как со-участника божественной сущности. Мы постоянно теряем чувство такой осознанности в постоянно меняющемся вихре мыслей, идей, ассоциаций и т. п. Чем увереннее, однако, мы сохраняем его, тем глубже наше понимание и тем больше возрастает наша возможность действовать в качестве миротворцев и активных участников процесса примирения.

Но наш уровень осознанности или сознания себя (я использую эту фразу, поскольку самосознание имеет несколько иные коннотации) выступает в качестве мерила нашего осознания других. Если наше понимание самих себя затуманено, то и других мы видим сквозь дымку, исказяющую и их тоже. В таких ситуациях у нас меньше шансов воспринимать внешнюю реальность.

Все уровни осознанности связаны друг с другом, но для наших целей я бы хотел выделить два важных измерения. Если у нас отсутствует мерило осознания самих себя, значит, мы не в состоянии рассмотреть ясно ничего другого. С другой стороны, восприятие социальных ситуаций, конфликтов интересов, структурного насилия зависит не только от меры наличия само-осознания, но также и от информации. Конечно, в настоящее время люди знают, о конфликтах, затрагивающих, к примеру, страны Третьего мира, женщин, иммигрантов, гомосексуалистов, гораздо больше, чем несколько лет тому назад, при этом их само-осознание не выросло, просто они многое узнали из средств массовой информации. Я хочу сказать, что без углубления само-осознания мы не *чувствуем* по-иному, а следовательно, и не *действуем* по-иному. Если же мы смотрим на некоторые вещи по-прежнему, мы продолжаем вести себя по отношению к ним так же, как и раньше. Наши действия изменятся только тогда, когда восприятие внешних обстоятельств соотнесутся с более глубоким видением самих себя.

Отсюда вытекает, что все перемены коренятся в осознанности. Более того, поскольку мир означает перемену от немирных к мирных отношениям, значит, осознанность и есть главный источник мира.

Процесс миротворчества

В заключительной части этой главы я попытаюсь в кратком обсуждении процесса миротворчества свести воедино некоторые из тех идей, что мы только что рассмотрели. В этом процессе миротворец применяет на деле свои умения добиваться мира. В данный момент, однако, мы рассматриваем только сам процесс. Его применение станет предметом рассмотрения в следующих двух главах.

Миротворчество, как и все остальное, объединяет инь и янь, внутреннее и внешнее, публичное и личное. Когда гармония нарушается и превалирует янь, миротворец начинает зависеть от успешного манипулирования внешними обстоятельствами, политического маневрирования, попутно прибегая то к угрозам, то к обещаниям, используя все хитрости торговли и компромисса. Так действовали политики типа Киссинджера или Меттерниха. В итоге возможно урегулирование конкретного конфликта, но достижение глубокой гармонии примирения встречается весьма редко. Можно попросту убрать симптомы немирной ситуации, не уничтожив ее причину. Когда особое внимание уделяется инь, люди пытаются изменить чувства и отношения. Они полагаются на протесты, попытки убедить в своей правоте, т. е. скорее на моральное давление, нежели на переговоры, политический анализ или дипломатические усилия. Обычно такой подход оказывает незначительное влияние на развитие событий.

Когда инь и ян находятся в гармонии, миротворцы «хитры как змеи и кротки как голубицы»; политически хитроумны и реалистичны, но их гуманность настолько широка – в том случае, если они представляют жертв угнетения – что включает в себя и тех, кому они противостоят. Они стремятся к прочному миру для всех конфликтующих сторон.

Надеюсь, мое использование китайской концепции инь и ян не посчитают черезесчур заумным или неуместным. Согласно традиции, инь представляет все кроткое, нежное, любящее, готовое к сотрудничеству, чувствительное, заботливое, субъективное, интуитивное, лунное, темное, женственное, творческое, мистическое. Янь представляет сильное, эффективное, объективное, рациональное, яркое, солнечное, конкурентоспособное, мужское, практическое. Когда оба элемента сбалансираны, как в зрелой личности или сообществе, тогда воцаряется гармония. Если же они разделены, тогда их качества искажаются, преувеличиваются, ослабевают или становятся пагубными. Сила превращается в жестокосердие, чувствительность в нравственную неустойчивость, женственность или женственность вырождаются в сексизм – и так далее. Мне кажется, что жизнь типичного квакера в высшей степени эффективно объединяет инь и ян в смесь мистического с практическим и разумным. Я верю, что большинство людей соглашается с тем фактом, что эти два взаимосвязанных и взаимно поддерживающих друг друга направления действительно существуют в квакерстве, независимо от того, как мы их назовем, и что они имеют непосредственное отношение к миротворчеству. Я предпочитаю, хотя и без фанатизма, говорить об инь и ян, потому что мне доставляет удовольствие находить еще одно соответствие для столь ценной и древней идеи.

Можно вспомнить, что я определяю состояние немирности как ущерб, который мы наносим потенциалу нашей реализации. Ущерб этот проявляется разными способами: в скрытой форме эмоциональной ранимости, или жестоких физических ран, нанесенных во время войны (которая в то же время причиняет и психологический вред). Это состояние может состоять из сложной комбинации культурных, психологических и экономических лишений, которые несет с собой колониализм, или лишений, которые богатые и власть имущие, как правило, причиняют бедным и слабым. Оно возникает, когда две враждующие стороны – это могут быть отдельные личности или целые государства – конкурируют в борьбе за невидимый приз. Оно возникает, когда боль (обычно нераспознанного происхождения) или фантазии и иллюзии (часто уходящие корнями в мифическое прошлое) вынуждает людей вступать в реваншистский конфликт. Такое состояние является продуктом разнообразнейших разновидностей эксплуатации, угнетения и манипуляции, будь то между полами, классами, расами, религиями, сообществами, племенами, идеологиями или нациями. Оно есть продукт всех и всяческих доктрин и теорий.

Нет идентичных примеров немирного состояния, но существуют определенные типичные модели, требующие от миротворцев разных подходов.

Одной из наиболее часто встречающихся моделей является отношение между сильным и слабым, когда сильный злоупотребляет своей властью. Такие отношения, конечно же, встречаются во множестве, многие из них открытые и скандальные, другие – скрыты. Самыми трудноразрешимыми являются такие отношения, в которых угнетаемая сторона обладает ограниченным пониманием своего состояния. Мне доводилось слышать высказывания в духе «Богатые всегда угнетают бедных. Но такова воля Божья, и тут уж ничего не поделаешь». А иногда кто-нибудь еще и добавит: «На самом деле, все еще не так уж плохо, могло быть хуже». В этом случае безнадежность и невежество усиливаются страхом того, что могут сделать с протестующими. Ситуации такого рода никогда не изменятся, пока жертвы не научатся воспринимать их по иному. Я называю их Стадией Покоя.

Первым шагом, следовательно, должно стать расширение осознания. В данный момент я не предлагаю конкретно, кто должен пытаться делать это и каким образом. Я просто констатирую, что это необходимо.

Как только вырастает уровень осознанности, качество отношений более не приемлемо. Те, кому отношения причиняют вред, ищут способов изменить их. Если даже они когда-либо думали, что достаточно будет только жалоб, то эти иллюзии быстро рассеиваются, поскольку в интересах правящих групп сохранять существующий порядок вещей. Бедные скоро понимают, что они должны бороться, если хотят улучшить свои условия существования. Но они очень слабы. Их первые усилия, таким образом, направлены на приобретение достаточного могущества, чтобы провести изменения в жизнь. Такова ситуация, из которой вырастает большая часть революций.

На этой стадии, которую я называю Стадией Революции, миротворцы фактически являются революционерами. Это слово у многих вызывает враждебность, хотя по сути своей оно означает прежде всего изменение, поворот к лучшему. Очень может быть, что это изменение будет от насилия к миру. «Вы пропагандируете скорее конфликт, а не мир», – говорят мне иногда. Но это всего лишь указывает на дефект в понимании. Ситуация отсутствия мира уже в наличии, сильные уже притесняют слабых, и если слабые несут свой удел с мученической усмешкой, то только потому, что боятся, не понимают, что происходит и ни на что не надеются. Если же жертвы, в конце концов, прибегают к насилию, то это, конечно, не мирный путь, но некоторые рассматривают революцию как необходимый шаг на пути к полному и окончательному миру.

Революция, также как и миротворчество, включает инь и янь. В революциях с вооруженной отчаянной борьбой, которые большинство людей считут типичным примером, доминирует янь. Люди гибнут и деградируют, включая и многих не имеющих ни малейшего отношения непосредственно к революционным событиям. Одни найдут этому объяснение в том, что зло необходимо для конечного триумфа добра. Другие скажут, что насилие всегда порождает насилие, и что конечным результатом, независимо от цели, станет рост уровня насилия во всем мире. В таких революциях, направленных вовне, одна сторона в случае успеха свергает другую. Затем, и, к сожалению, слишком часто, происходит просто смена тираний.

Но революции могут быть и мирными (эволюционными, как скажут некоторые), подобно многим революциям произошедшим в нашей стране. Когда инь и янь в равновесии, внешние изменения имеют место, но они уравновешиваются внутренними переменами в осознании, и это стабилизирует мир. Как такое происходит? Здесь не задействован волшебный сундучок фокусника, и нет такого университетского курса, полностью соответствующего теме. Миротворец является не только опытным человеком, овладевшим стратегическим искусством, но и милосердным учителем, слугой, посвятившим делу мира свою жизнь в буквальном смысле слова – поскольку он/она иногда должны быть готовы погибнуть. Именно таким был, конечно же, ненасильственный подход Ганди.

Необходимо обратить особое внимание на то, что революции такого рода могут быть при необходимости не менее жесткими и воинственными, чем те, в которых доминирует янь. После массовой политической мобилизации могут быть задействованы все виды давления на правительство, экономику, средства массовой информации. Целью, однако, не является разрушение или стремление отомстить за насилие насилием же. Цель заключается в уничтожении системы угнетения, но не тех, кто управляет этой системой. Возможно, это различие покажется весьма тонким, но значительным: разница между ненавистью и любовью, между триумфом возмездия и милосердием к впавшим в унижение и дискомфорт правителям. Конечная цель заключается в том, чтобы обратить их в иную веру, так, чтобы они могли участвовать в строительстве справедливого и мирного общества. А в этом обществе будут уважать права человека равно для всех, включая как право угнетенного не испытывать унижение, так и право угнетателя избежать деградации.

Роль революционных миротворцев трудна и опасна. Если, а это неизбежно, они представляют угнетенных или принадлежат к ним, тогда они вызывают яростную

враждебность власть предержащих и фанатиков всех мастей. Они могут с уверенностью ожидать преследований и даже покушений. Более того, их решительный отказ поиграть в демагогию или подстрекать ненависть, вызовут подозрения и среди их сторонников. Они должны быть умными, смелыми и хорошо информированными. В то же самое время они должны отречься от общепринятого использования этих качеств для того, чтобы прославлять себя или свое дело, и чтобы атаковать, высмеивать и принижать своих оппонентов. Они не смогут пройти этот путь не споткнувшись, если не будут сохранять спокойствие и внутреннюю гармонию, страстность в вере и хладнокровие в поступках. Они не должны помышлять о мести, но должны любить своих врагов и стремиться к окончательному примирению с ними.

Мы еще не затрагивали роли миротворца как медиатора или переговорщика, которую можно посчитать за главную его функцию. На это есть причина. В немирных отношениях между сильными и слабыми, для миротворца часто бывает бесполезно побуждать сильных исправить свой образ жизни и действий. В таком подходе доминирует янь, но с какой стати сильные должны реагировать на это? Их устраивает сохранение статуса-кво (вот почему так сильно сопротивление к переменам в Южной Африке, в Иране, большей части Латинской Америки и во многих других местах).

Когда борьба ведется между более-менее равными соперниками, тогда роль миротворца сильно меняется. Ему/ей в такой ситуации скорее подходит роль посредника, честного брокера, третейского судьи.

С общего согласия, их деятельность включает в себя поиск формулировок, помогающих сохранить лицо тем, кто склонен пойти на уступки, и компромиссы, дающие возможность обеим сторонам постепенно продвигаться к соглашению, к сделкам, которые вероятно удастся заключить, к установлению непрямых каналов для коммуникации. Этим миротворцам необходимо владеть как общими, так и специализированными знаниями. Они должны разбираться как в политических, экономических, социальных и стратегических составляющих конкретной ситуации, так и в основополагающих теоретических вопросах. Они должны чутко улавливать постоянные параметры конфликтных ситуаций (между личностями – как в браке – или между группами, или нациями, или идеологическими блоками). К ним относятся страх показаться слабым, необходимость нейтрализовать оппозицию и поддерживать моральное состояние общества, вдохновлять союзников и сторонников и добиваться международной поддержки (или хотя бы более широкой поддержки). Вдобавок миротворцы должны владеть самыми сложными деталями конкретной ситуации. Все вышесказанное относится к аспекту янь.

К личностным аспектам миротворческой деятельности, т. е. к инь, относятся создание психологической атмосферы, в которой можно выполнять общественную работу сохраняя надежду на успех, что на деле применимо к любому виду немирной ситуации. И это очень важно, поскольку в любом конфликте суждения и взгляды людей, принимающих решения, каким бы одаренными они ни были, деформируются до определенной степени под влиянием их страхов, гнева, обид, амбиций, тщеславия, тревог и ощущения беспомощности. Иногда я думаю, что если бы величайшим дипломатическим и военным умам истории дали возможность предложить их решения проблем, скажем, Северной Ирландии или Ближнего Востока, то эти предложения были бы отвергнуты. Непосредственные участники конфликтов видят события сквозь дымку крайне обостренных чувств. И только когда эта дымка рассеивается, они способны верно оценить ситуацию в целом. Решающим моментом сбалансированного миротворчества как раз и является задача рассеять эту дымку. Но сами миротворцы находятся точно в таком же положении. Они несут с собой наследие прошлого, страхи перед будущим и давление настоящего, которые, взаимодействуя между собой, нарушают их способность к объективной оценке происходящего. Они не могут помочь другим освободиться от детерминизма, пока не начнется их собственное освобождение от иллюзий касательно их

самих. «О, миротворец, – сказал Хазрат Инаят Хан, – прежде, чем пытаться установить мир во всем мире, сначала установи мир внутри себя».

Моя собственная работа на публичном уровне началась в основном на уровне янь. Однако с тех пор я все больше и больше осознавал важность неофициального уровня миротворчества, который находит гораздо меньшее понимание. Поэтому следующие главы уделяют большее внимание инь, чем янь, который больше известен и лучше документирован. Но, безусловно, обе модели должны всегда находиться в равновесии. Когда баланс нарушается, наступает неизбежная деформация, процесс миротворчества ослабляется и остается незаконченным.

В заключение хотелось бы подчеркнуть еще одно различие между публичным и неофициальным миротворчеством. Это различие не обязательно, хотя и часто, соответствует контрасту между инь и янь. Некоторые миротворцы, выступающие в роли посредников или сторонников конкретного типа решения, представляют внешнюю власть – государство или экономический интерес. Их основная задача – служить этой власти, а не тем сторонам, между которыми они пытаются установить мир. Они даже могут быть готовы использовать силу своих хозяев, чтобы навязать решения, которые, может быть, вовсе не будут в интересах всех заинтересованных сторон.*

* Я хотел бы привлечь внимание к полезной дифференциации, которой я следую на практике, хотя и пользуюсь терминологией, к разнице между «урегулированием» и «разрешением» конфликта. Д-р Джон У. Бертон и его коллеги из Центра по анализу конфликтов определяют первый из этих терминов, как договоренность, возможно, не устраивающая обе стороны в конфликте, навязанная третьей стороной. Тогда как второй термин обозначает взаимоприемлемое соглашение, достигнутое сторонами в согласии и ведущее к мирным отношениям – фактически примирение. Едва ли мне нужно особо подчеркивать, что миротворцы-квакеры, даже в роли «третьих сторон», никогда, даже если они того пожелают, не навязывают «урегулирование конфликтов».

Миротворцы, чей личный статус опирается на их независимость от внешних сил, озабочены, напротив, страданиями всех людей, вовлеченных в конфликт. Ценой, заплаченной за такую независимость, является нехватка средств для оказания давления, для создания ощутимого нажима на противников. Техника кнута и пряника здесь не применима. Но с другой стороны, их слабость то же время является их силой. Она поконится на полном доверии к их деятельности, благодаря их беспристрастной добре воле.

В следующей таблице схематически изображены различные типы немирных отношений и разнообразные подходы к установлению мира, рассмотренные нами.

Таблица 1

НЕМИРНЫЕ (НАСИЛЬСТВЕННЫЕ) ОТНОШЕНИЯ			
	<i>Межсду слабыми и сильными</i>	<i>Межсду равными</i>	
Функция инь/янь	Стадия покоя Слабые страдают от угнетения, но не имеют ясного представления о положении дел и не надеются на перемены	Стадия революции следует за изменениями в осознании. Слабые борются за власть, чтобы провести изменения в жизнь.	Взаимное насилие, возникающее из соперничества, конфликта интересов и ложных взглядов
Янь доминирует	Нерегулярные бесцельные случаи насилия	Яростная революция, направлена на свержениеластителей и разрушение системы	Политические переговоры, дипломатические шаги, выкручивание рук, угрозы и обещания, торги. Цель: урегулирование конфликта
Инь доминирует	Пассивное недовольство	Протест, направленный на изменение отношения власть имущих	Убеждение и пропаганда. Цель: убедить противников в нежелательности конфликта
Инь и янь в равновесии	Рост осознания и зачатки организованности	Ненасильственная революция, нацеленная на изменение системы и, со временем, на победу над предыдущими правителями, включая их в процесс реконструкции	Политические и дипломатические шаги, ведущие к миру, совместно с усилиями по разъяснению взглядов ответственных лиц. Цель: примирение

IV

ПРАКТИКА МИРОТВОРЧЕСТВА (1)

Задача миротворчества имеет два направления. Первое – трансформация немирных отношений в мирные. Второе – выработка условий, способствующих миру и неблагоприятных для насилия. Я благодарен Уолтеру Мартину за то, что он указал мне на то, каким образом эти измерения отражают дух двух высказываний Джорджа Фокса, из которых, через разнообразные сдвиги в эмфазе, выросло современное квакерское Свидетельство о мире.

Первое из них, конечно же, его обращение к Комисарам Республики в 1651 году, когда он сказал: «Я жил жизнью добродетельной и во власти такой, каковые делают войны ненужными, и я знаю, откуда все вражды проис текают, из вожделения, как сказано у св. Иакова». (Ссылаясь на Послание Иакова, Джордж Фокс, как обычно, затрагивает фундаментальные истины. Пожалуй, стоит и нам вспомнить слова Иакова в начале Главы 4: «Откуда у вас вражды и распри? Не отсюда ли, от ваших вожделений, воюющих в ваших членах? Желаете – и не имеете; убиваете и завидуете – и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете – и не имеете, потому что не просите. Просите, и не получаете, потому что просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений». (Сегодня эти слова звучат так же злободневно, как и тогда, когда были написаны, поскольку большая часть невзгод, досажддающих нам, произрастают из стяжательской алчности, особенно когда она обретает законный статус в деспотической политической или экономической системе.)

Во втором заявлении, сделанном в обращении к Карлу II в 1661 году говорится: «Мы полностью отрицаем всякие войны, сражения и раздоры, а равно и использование оружия, какие бы цели при этом ни преследовались, и какие бы оправдания ни приводились», и продолжает: «дух Христов, который ведет нас ко всякой Истине, никогда не подвигнет нас сражаться и воевать внешним оружием против какого бы то ни было человека ни за царство Христово, ни за царства мира сего».

Это заявление представляет собой совершенно недвусмысленное отрицание войны как средства решения проблем человечества. Следовательно, если нам приходится предпринимать какие-то шаги для разрешения немирной ситуации, они должны быть ненасильственными. Дух этой декларации лежит в основе большей части моей работы, которой я занимаюсь уже много лет в стремлении положить мирное окончание яростным раздорам.

Первое высказывание выводит понятие миротворчества за рамки выбора между правым и неправым, за пределы усилий, направленных на то, чтобы положить конец разрыву в отношениях, или помирить поссорившихся. Речь идет об изменениях на двух основных уровнях. Прежде всего, здесь декларируется изменение в чувствах и взглядах индивидуума. Люди могут начать жить «жизнью добродетельной, каковая делает войны ненужными». А вместе с войнами, если мне будет позволено интерпретировать Джорджа Фокса, ненужным станет любое эгоистичное, алчное, и деструктивное поведение. Или же, во-вторых, к этим словам можно прибегнуть в социальных ситуациях и институтах (и снова через ненасильственные действия), меняя практику эксплуатации и угнетения на действия, способствующие человеческому росту и реализации потенциальных возможностей.

В этой главе, как и в следующей, я попытаюсь высказать предположения о том, как Друзья и другие люди, придерживающиеся сходных взглядов и отрицающие насилие, могут действовать сегодня, опираясь на эти старинные принципы, с тем чтобы сохранить мир или творить мир, или же создавать и поддерживать условия, ведущие к миру. В общем и целом, я собираюсь обсудить человеческий элемент в миротворчестве – установление отношений, углубление контактов, улучшение коммуникации, рост осознанности, позитивное отношение к тем, кто противостоит нам. Все эти вопросы будут рассматриваться в контексте нашего предыдущего рассмотрения человеческой природы. Я не собираюсь вдаваться в детали ведения переговоров, обсуждения сделок и компромиссов. В каждом конкретном случае детали могут заметно разниться, тогда как общие принципы хорошо известны тем, кто занимается теорией конфликтных ситуаций или трудовыми отношениями. Более того, неофициальный миротворец, по крайней мере на международной арене, редко обладает полномочиями для ведения переговоров. Его или ее роль сводится скорее к помощи в создании благоприятный условий для переговоров.

В том, что я говорю об уровнях осознанности, о восприятии реальности, о точках зрения, социальных системах, экономике, политических институтах и т. д. подразумевается необходимость перемен, даже если об этом не говорится прямо. И, конечно же, остается место для еще одной Свортморской лекции, возможно, еще более продолжительной, которая была бы посвящена созданию общества, лучше приспособленного к существованию в условиях мира, и здесь я хотел бы подчеркнуть, что многие из тех, чьи усилия направлены на гуманизацию социальных институтов и их деятельности, являются незаменимыми миротворцами. Однако даже если бы я был способен обсудить этот тип миротворческой деятельности («построение мира» звучало бы лучше), Зподобная дискуссия увела бы меня от основной темы. Я могу только предположить, что любая деятельность, отдающая предпочтение реализации человеческого потенциала, соучастию и совместным усилиям, к примеру, через развитие сообщества, безусловно, содействует делу мира. Аналогичным образом, преследовать собственные интересы, не думая о других, будь-то об отдельных личностях или

сообществах, или целых государствах, означает действовать вопреки интересам мира: институты, основанные на этом принципе, по сути своей несут насилие. Но, естественно, детали значительно разнятся в зависимости от культуры, традиций и социального фона.

Я должен заявить со всей ясностью, однако, что, представляя свои соображения по практике миротворческой деятельности, я отнюдь не предполагаю, что все делается легко и просто, или что существует некий набор хитроумных трюков или магических решений. Наоборот, эта работа в высшей степени трудна. Процесс миротворчества никогда не был легким, и редко случается так, что он доходит до полного завершения. Чем сложнее ситуация, и чем больше привходящих элементов – экономических, политических, исторических, и т.д. и т. п., тем сложнее достичь мира. Более того, трудно, почти невозможно добиться согласия по условиям соглашения от всех участников, задействованных в процессе. Негодующие, выраждающие особое мнение представители меньшинства, чувствующие, что их интересы представлены далеко не должным образом, могут с легкостью снова довести до кипения чашу распреи и раздоров. Но кроме этого, есть и еще одна трудность, более фундаментального плана. Дела человеческие взаимосвязаны самым что ни на есть замысловатым образом, поэтому редко встречаются изолированные конфликты. Невозможно аккуратно отделить их один от другого и решать проблемы по очереди. И все же это не всегда плохо, хотя немирный статус одной ситуации может перетекать в другую, ведь точно также может происходить и с миролюбием.

Каковы бы ни были сложности миротворчества, этот процесс, тем не менее, представляет всеобъемлющий вид человеческой деятельности. Он призван восстановить гармонию в одном из уголков вселенной, само существование которой служит великолепной демонстрацией гармонии и равновесия. Часто случается, что отдельные миротворческие действия не достигают ни малейшего успеха, или, по крайней мере, достаточно заметного результата, но мы должны продолжать верить. Никто не может оценить воздействие искренних миротворческих усилий, предпринятых с любовью. Круги по воде расходятся в вечность.

Прежде чем мы приступим к обсуждению миротворческой работы в конкретных немирных отношениях (см. Таблицу 1), нам следует рассмотреть универсальные принципы, вытекающие из веры в то, что Бог присутствует в каждом из нас. Принципы эти касаются наших отношений с другими людьми в любой ситуации, как с нашими сторонниками, так и с теми, кто противостоит нашим усилиям, то есть со всеми protagonists, с угнетателями и их жертвами, богатыми и бедными, властью имущими и бесправными, неистовыми и кроткими, друзьями и недругами, и с самими собой. Без отношений доверия и благорасположения ничего путного достичь не удастся, насилие и обман будут править и дальше.

Признавать присутствие Бога во всех нас

Бог есть в каждом – этому первейшему и непреходящему принципу должны следовать все миротворцы. Осознание присутствия божественного начала в каждом человеке поможет им действовать согласно этой истине. Это составляет истинную основу миротворчества. *Признание* добра в других способствует *выражению* добра. Альтернативой становится манипулирование, сговор или упрашивание, даже угрозы, что явно не соответствуют подходу квакеров к миротворчеству. Но реально нести исцеление немирным ситуациям могут только те, кто, будучи задействован в них, действует согласно Божьей воле, а именно, обнаруживая присутствие Христа в себе. Признавая эту великую силу и благодаря за нее, мы можем помочь. Говоря это, я не выступаю в защиту пассивности или квиетизма. Наоборот, миротворец может быть очень активным, если источником и водителем активности выступает его действительная сущность, тогда из нее

должно проистекать добро. И наоборот, если активность опирается на иллюзию, что всем движет отдельно взятый человек, ничего, кроме бесполковщины, из этого не получится.

Слушать и внимать

Вышеупомянутый принцип носит абстрактный и универсальный характер. Второй принцип, вытекающий из него, гораздо конкретнее, он касается развития отношений с другими через то внимание, с которым мы слушаем их и заботимся о них.

Я должен снова начать с нашего отношения к самим себе, поскольку оно зависит от наших отношений с другими. Здесь понадобится краткое объяснение: если мы счастливы, то, скорее всего те, кто окружает нас, тоже будут счастливы, но если мы угрюмы и себялюбивы, то не можем ожидать, что от нас будет исходить радость.

Важнейшим подготовительным шагом к миротворчеству является молитва, или медитация, назовите это как угодно. Я имею в виду ту целенаправленную тишину, в которой мы погружаемся в вечность, во внутренний Свет Христов, ту тишину, через которую мы воссоединяемся с Христом Предвечным сквозь волнение и накипь на поверхности, сквозь все тревоги, теоретические измышления и заботы. И таким образом мы также воссоединяемся с другими индивидуализированными проявлениями Воли Господа, с которым нам выпадает большая часть встретиться. Тем самым, подобным же образом мы можем почертнуть мудрость вечного и универсального разума.

Через молитву мы также уничтожаем страх – мы боимся выставить себя дураками, или допустить ошибки, мы боимся, что нам причинят боль. Страх порождает те самые вещи, которых мы боимся. Это проклятие наше. Оно происходит от недостатка любви, потому что идеальная любовь изгоняет его. И еще происходит оно из того, что мы не признаем нашу истинную сущность, поскольку ничто не может причинить вред Богу, что в нас, что есть мы, или Атман, или аль-Хакк, или природа Будды, или любой иной способ любой другой культуры для выражения универсальной истины. Как сказал Шанкара: «Зачем человеку испытывать хотя бы малейший страх, если он знает, что он есть он сам, и внутренняя сущность и все наружное, и так он над рождением, и над тлением, и над старостью, и над смертью?» (но он же и добавил: «Как только человек заметит малейшую разницу между собой и Брахманом бесконечным, страх в нем возникает»). И как пел псалмопевец: «Господь – свет мой и спасение мое: кого мне бояться? Господь крепость жизни моей: кого мне страшиться?» Когда мы готовимся к встрече, важно снова и снова подумать о том, что на ней произойдет. И если мы будем сосредоточенно размышлять о предыдущей встрече, о странностях и неразумном поведении людей, с которыми нам предстоит встретиться, то очень вероятно, что мы поведем себя таким образом, который именно такое поведение спровоцирует. Мы же должны отправляться на встречу, преисполненными приятным предвкушением встречи с сыном Божиим, в котором отразится бесконечное великолепие его создания. Тогда, даже если мы встречаемся с хорошо известным нам человеком, мы увидим в нем новые, удивительные качества, ранее скрытые шорами наших предположений. Из сказанного следует важный вывод. Как велел нам Иисус, никогда не следует судить людей. Наши суждения не только ошибочны, поскольку каждый человек есть отражение Бога, но, вынося такие суждения, мы тем самым усложняем для человека процесс распознавания его/ее истинной сути. И если часто говорить ребенку, что он тупой, таким, на поверхности, он и станет. С тем же успехом нас можно было бы бросить в море с мельничным жерновом на шее.

Пониманием безусловной необходимости слушать внимательно Я проникся на самых ранних этапах своей деятельности миротворца. Я осознал, что часто слова, которые я и мои друзья пытаются произнести, никто попросту не слышит, особенно в начале встречи, или в чрезвычайно напряженной ситуации. На вопрос или замечание, по правде сказать, отвечали, но ответ не нес определенного смысла. Впечатление складывалось такое, что наши слова как бы фильтровались сквозь смесь гнева, страха, обид и

предвзятостей, и это радикально меняло их смысл. В результате отвечая, люди, с которыми мы разговаривали, реагировали уже на вновь присвоенное значение, часто гневно и обычно невпопад. Принимая во внимание общие обстоятельства, то, что мы говорили, часто воспринималось как угроза или оскорблениe, а совершенно простой вопрос как критика. Во время гражданской войны в Нигерии, например, федеральное правительство было чрезвычайно чувствительно к суровым суждениям мировой прессы, и самый невинный вопрос о каком-нибудь аспекте войны рассматривался как враждебный выпад. Нас, фактически, просто не слушали, но, если бы мы реагировали с раздражением, это означало бы, что мы тоже не слушали. Мы безоговорочно предположили, что преодолеть трудности в коммуникации мы сможем, если будем говорить очень мало, совсем не будем спорить, пытаться объяснять что-нибудь снова и снова, или возражать. Нам следовало оставаться внутренне спокойными и как можно более восприимчивыми. Обычно такое поведение дает выход буре эмоций, столь естественных у людей, находящихся под страшным давлением. Слушание, однако, не такое легкое занятие. Нами завладевает шум наших собственных мыслей, и мы едва можем дождаться, когда собеседник, наконец, умолкнет, и мы сможем произнести свою собственную маленькую речь – каковую, собственно, мы и сочиняя, вместо того, чтобы слушать то, о чем говорит наш собеседник. Вспомните любую вечеринку или заседание комитета.

Я также обнаружил, что, скорее всего встреча пойдет наперекосяк, если я явлюсь на нее с готовыми суждениями. Пару раз я приходил на важные переговоры под воздействием отрицательных эмоций, возможно даже чувствуя превосходство над людьми, с которыми собирался встречаться, потому что они были замешаны в жестоком насилии. И если бы, как случилось однажды, я видел кошмарные последствия этому, то добавились бы еще и отвращение, возмущение и презрение. И какими бы изысканными и дипломатичными ни оставались манеры, эти чувства каким-то образом пронизывали всю атмосферу. Следовательно, мне пришлось научиться каким-то образом эти эмоции растворять. Я понимал, что совершенно несправедливо проецировать их на людей, которых, как я знал, страдания трогали так же, как и меня, и которые, сидя в штабах, мало чем могли повлиять на события на передовой линии фронта. И получалось, что я избавлялся от боли, перенаправляя ее на других, что было ни чем иным, как потворством собственным слабостям. Конечно, это нельзя назвать оправданием насилия, но отрицанием нашего права выносить суждения о тех, кто непосредственно связаны с ним.

Слушать внимательно означает многое. Прежде всего, мы должны закрыть ум от отвлечений (расхожая фраза) и заставить себя слышать именно то, что говорится. Затем мы должны вслушиваться в интонацию: если вы спрашиваете меня, как я поживаю, а я, сгорбившись, отвечаю скорбным голосом, что все у меня хорошо, то вы получаете правильный ответ, но отнюдь не из моих слов. Помимо этого, существуют и более тонкие эманации, которые тоже можно уловить. Ну и кроме того, в слушании есть и другие моменты. Парадоксально, но самое информативное слушание не концентрируется исключительно на говорящем. Слушание есть широко открытый процесс с говорящим в центре внимания, но при этом не исключаются и все другие звуки, к примеру, шум проезжающих машин. Не задействованы никакие фильтрующие механизмы, как, скажем, те, к которым мы можем прибегнуть, пытаясь поддерживать разговор в шумной комнате, но при этом страдает общее восприятие.

Наша цивилизация в общем и целом слишком шумная для точного слушания. Африканцы, в большинстве своем гораздо более щедро дарят свое внимание, но самые лучшие слушатели из всех, кого я когда-либо встречал, это коренные американцы. В некоторых племенах детей специально обучают искусству слушать. Когда мои друзья, коренные американцы, навещали меня, они всегда умолкали, как квакеры, и слушали. Как еще, спрашивали они, мы можем узнать, в каком ты состоянии, и соответственно разговаривать с тобой, что они и проделывали всегда самым наилучшим образом.

Внимательно слушать означает действовать в автономном режиме. Слушателю удается избегнуть детерминизма автоматизированной части нашей сущности, работающей через то устройство, которое я назвал компьютером. Слушать означает выключить, или, по крайней мере, приостановить работу компьютера. Таким образом, в слушании, так же как и в молитве, мы достигаем более глубокой и искренней части нашего я.

Что еще более важно, слушание не просто ведет к тому, чтобы слышать и понимать, но и к речи. Научившись слушать, мы зачастую обнаруживаем, что к нам приходят верные слова. Они приходят не как результат тщательного обдумывания, но возникают непосредственно из более глубинных источников знания. И хотя часто они очень просты, эффект их бывает на удивление впечатляющим. Помню, мне рассказывали об очень уважаемом старом квакере, чье словесное пастырство всегда было очень кратким. Однажды на молитвенном собрании он встал и просто сказал: «Бог есть любовь». И все, кто слышал его, были тронуты до глубины души. Любой другой человек мог произнести те же самые слова, но если бы они проистекали из другого уровня его/ее существа, они произвели бы не больший эффект, нежели многие другие фразы, которые уже превратились в клише. Иисус тоже наставлял своих апостолов: «не заботьтесь наперед, что вам говорить, и не обдумывайте; но что дано будет вам в тот час, то и говорите, ибо не вы будете говорить, но Дух Святый». Следовательно, слушать значит слушать также и Бога, и в результате, то, что дано нам произнести, исходит от Бога.

Важность слушания, таким образом, заключается в том, что мы не просто «слышим» другого человека в прямом смысле слова, но вступаем с ним/с ней в коммуникацию через нашу истинную сущность. Таковое событие, в свою очередь, порождает ответ его/ее сущности. По этой причине очень сильные и положительные чувства часто порождаются как у того, кто слушает, так и у того, кого слушают. Вот почему миротворцы должны научиться слушать со всей возможной внимательностью и постоянством. Они не только узнают вещи, имеющие для них, возможно, жизненную важность, но они соприкоснутся с той *частицей другого человека, которая действительно способна достичь мира, как внутреннего, так и наружного*.

Я вспоминаю один драматически случай. Я должен был посетить штаб партизанского командира в потенциально опасных обстоятельствах. Я испытывал серьезные опасения, понимая, что, если я не смогу достичь взаимопонимания, то вызову в нем подозрения, и он может повести себя враждебно. Я знал, что должен хорошо подготовиться, и, приехав туда, внимательно слушать. Сначала он был холоден и держался настороженно. Вдруг он улыбнулся, приказал принести закуски и сказал «обычно люди приходят ко мне не для того, чтобы увидеть меня в непринужденной и приятной обстановке». Мы стали друзьями и смогли отыскать пути к гуманным, а не насильственным решениям конфликтов, в которые он был вовлечен.

Когда отношения перерастают в дружбу, многое становится возможным сделать друг для друга, и нет ничего важнее, чем хранить в самом центре осознания действительную сущность, Животворящий Свет Христов в каждом из нас. Опираясь на это ощущение, мы можем уверять наших друзей в том, что они сильны, мудры, отважны и добры – поскольку все это качества Бога, и с ним мы их разделяем. Чем глубже мы осознаем присутствие бесценных даров, тем эффективнее процесс миротворчества.

(Может показаться, что во всем вышесказанном я апеллирую к вере. И в самом деле, здесь возникает вопрос, который я часто задавал сам себе. Я верю в присутствие Христа в нас, но достаточно ли сильна моя вера, чтобы сдвинуть хотя бы мельчайшую мушку? – Господи! помоги моему неверию. Однако мне пришло в голову, что истинная вера является скорее знанием, нежели верой во что-то такое, чему нет доказательств. Это знание приходит через глубинное «я» и универсальный разум, к которым нам открывается доступ. Следовательно, то, о чем я только что говорил, я констатировал скорее как факт, нежели как сомнительное убеждение.)

Ободрение тех, с кем вместе мы ищем мира, не означает огульного одобрения всего, что они делают. Наоборот, если они поступают вопреки своей истинной сущности, такой факт нельзя игнорировать. Точно так же нельзя говорить им, что такие поступки не имеют никакого значения, хотя к той боли, что, возможно, вынудила их поступить именно так, можно отнести с сочувствием. Но следует предложить конструктивную критику, как в той индийской легенде, что так мне нравится. Змея, которую обратил в свою веру святой человек, пообещала никогда больше не кусать людей. Но жители деревни воспользовались этим и забросали ее палками и камнями. Рассерженная и разочарованная змея пожаловалась гуру, и он ей ответил: «но я ведь никогда не запрещал тебе шипеть на них». За нами сохраняется обязательство «зашипеть» в нужный момент.

Возможно, стоит повторить, что развитие человеческих отношений с другими людьми (в противовес отношениям механистическим или автоматическим) применимо во всех типах немирных ситуаций. Причем применимо оно как к тем, кто работает с нами, так и к тем, кто работает против нас. Конкретное применение данного принципа, очевидно, будет разниться в соответствии с обстоятельствами. В одном случае мы будем говорить с близким другом, в другом – с относительным незнакомцем, в третьем – с кем-то, настроенным к нам враждебно или подозрительно. Но нет нужды испытывать озабоченность по этому поводу. Верные слова придут, если мы будем внутренне готовы. В отличие от практических навыков, которым легко научиться, основная ответственность в общем и целом заключается в том, чтобы всегда помнить и действовать в соответствии с принципами Джорджа Фокса, о которых он писал в послании 1652 года. «Оставайтесь спокойными в том, что чисто. После этого вы увидите сами себя; и тогда придет благодать. После того, как вы увидите свои мысли и искушения, не думайте, но повинуйтесь – и тогда придет сила. Оставайтесь спокойными в том, что показывает и открывает, и тогда немедленно придет сила. Оставайтесь спокойными в Свете и покоряйтесь ему, и тогда иная воля замолкнет и уйдет; и тогда придет довольство»

Заслужить благорасположение

Третий принцип заключается в том, что миротворцы должны заслужить благорасположение тех, с кем им предстоит работать. Иногда очень помогает уже сложившаяся репутация. Так в Индии и Пакистане нам очень помогло широко распространенное знание того, что Друзья уже давно работают на субконтиненте, и были близки к Ганди. Но это помогает только на стадии установления первых контактов. Потом все сами должны доказывать, что заслуживают доверия. А для этого необходимо быть и тактичным и настойчивым. Установление прочных человеческих взаимоотношений зависит от сохранения непоколебимой доброй воли, очевидной беспристрастности и готовности прийти на помощь. Зачастую оказывалось, что те незначительные службы, которые Друзья смогли исполнить во время миротворческих миссий, вносили свой вклад в укрепление их позиции. И эта позиция укрепляется далее, если известно, что Друзья, исключительно в интересах защиты мира и совершенно не имея в виду личной выгоды, готовы подвергнуть себя неудобствам, крайней усталости и возможной опасности. Все вышеизложенное было убедительно проиллюстрировано инцидентом, имевшим место в начале гражданской войны в Нигерии, в стране, где Друзей не очень хорошо знали. Мы выступили с предложением к тогдашнему главе государства направить небольшую делегацию Друзей с визитом в Биафру, бывшую тогда в блокаде. Он не поверил, что такой визит сможет помочь, и заявил в свою очередь, что нам придется лететь на «нелегальном самолете повстанцев», а его вооруженные силы имели приказ сбивать такие самолеты. Когда мы ответили, что готовы рискнуть, он сказал, что надеется снова встретиться с нами – если мы вернемся. Так мы и поступили несколько недель спустя, после трудного и опасного путешествия, и нам был оказан сердечный прием. Он сказал, что радио Биафры ничего не сообщало о нашем визите, а это означает, что мы не воспользовались случаем

для саморекламы, и что, следовательно, политики Биафры намереваются использовать нас как канал для коммуникации, показывая тем самым, что они заинтересованы в переговорах. Таким было начало добрых отношений, которые продолжались всю войну.

Тем не менее, выстраивать отношения с двумя враждебными сторонами нелегко. Даже после устранения первоначальной подозрительности – «мы не понимаем, как вы можете заверять в дружеском отношении к нам, таким мягким и миролюбивым, и одновременно говорить то же самое и о наших врагах, вероломных военных преступниках», все-таки могут возникать внезапные раздоры. Именно так развивались события во время военных действий в Нигерии, на той ступени, когда нам уже удалось приобрести значительное доверие обеих сторон. Друзья в Америке выпустили рекламное объявление для сбора средств, на котором под заголовком (насколько мне помнится) «два смотровых окошка в ад» разместили ужасающие фото из Биафры и Вьетнама. Ответственные за это Друзья мало понимали в том, как разворачивались квазидипломатические отношения на месте, но Нигерийское Федеральное правительство было страшно оскорблено. «Мы думали, что вы наши друзья» – заявили они. К счастью, прочные отношения уже были установлены, и удалось избежать серьезного урона. Но на какое-то время атмосфера была чрезвычайно напряженной. Важно помнить, что люди, сражающиеся друг с другом, находятся в крайне возбужденном состоянии, и как следствие, чрезмерно раздражительны.

На все это может уйти много времени, и люди, занятые в миссиях подобного рода, зачастую опасаются, что они тратят свои усилия понапрасну, обхаживая тех, кто, как может показаться, не всегда особо склонен замечать их.

Неофициальным миротворцам, таким как Друзья, с самого начала приходится находить пути, отличающиеся от приемов аккредитованных дипломатов. У тех есть четко обрисованные и общепризнанные роли, подготовленная позиция и доступ к определенным кругам. Нам приходится самим устанавливать контакты, или надеяться на любезность других, схожих по задачам с нами, или же тех, кто уже имел опыт работы с Друзьями, возможно, посещая какой-нибудь семинар для дипломатов. В дальнейшем, однако, эффективность обеих групп во многом зависит от развития личных отношений. Для неофициальных миротворцев это может оказаться даже легче, поскольку со временем всем становится известно, что у них нет национальных или коммерческих интересов, и что работают они ради облегчения человеческих страданий. Именно эта забота приводит их на место, где возникает конфликт или напряженность. Редко, если вообще когда-либо, они получают прямое приглашение. И именно интенсивность этой заботы, понуждающей их посвятить себя данной проблеме, может послужить им самой лучшей рекомендацией. «Где наши молчаливые друзья?» – спросил как-то глава одного из государств, после того, как группа квакеров-миротворцев не встречалась с ним какое-то время. Тогда он послал за ними и попросил их взять на себя выполнение особой миссии.

Этот инцидент послужил демонстрацией доверия, доказательством установления прочных отношений. Дальнейшим свидетельством доверия стало то, что миротворцы, вместо того, чтобы быть курьерами, которых в лучшем случае только терпят, превратились в людей, которым доверили деликатные и конфиденциальные задания, которых вовлекли в решение политических проблем, у которых спрашивают совета. С этой позиции они уже могут выполнять традиционную функцию квакеров, а именно, говорить властям правду. Полагаю, что для некоторых Друзей это означает ворваться в офис президента или местного мэра, или кого-нибудь еще из власти предержащих и во всеуслышание разоблачить их политику. Если бы относительно незнакомый человек проделал это с одним из президентов или премьер-министров, которых я знал, с ним обошлись бы с холодной вежливостью или неистовым гневом, но сути высказывания попросту бы не услышали из-за манеры, в котором оно было сделано. Но миротворец, завоевавший право высказывать свое мнение и быть услышанным, может позволить себе «прошипеть», то есть, высказать неудобную правду, которая от кого-нибудь другого

прозвучала бы слишком горькой, поэтому ее и слушать бы не стали. Я присутствовал при том, как группа квакеров выложила перед главнокомандующим веские доказательства того, что его военная политика вместо того, чтобы напугать противника и заставить сдаться, наоборот вынуждала его к отчаянному сопротивлению – что, конечно же, вело к дальнейшей эскалации. Друзья не пытались инструктировать генерала в вопросах тактики, а проникновение в психологические нюансы они извлекли из посещений другой стороны. И именно эта оценка происходящего показала, что, несмотря на традиционные военные премудрости, меры, увеличивавшие страдания людей, являлись непродуктивными. Здесь я должен задаться весьма сложным вопросом: что и сколько говорить? Иногда мы получаем информацию, которой могло бы быть достаточно для установления мира и спасения жизней людей, но которую можно применить и для победы в сражении и для достижения конкретных политических целей. На этот вопрос нелегко найти однозначный ответ. В каждом случае он должен быть свой. И тем более злободневным становится первый принцип: признание божественного в каждом.

Хотя я здесь говорил в основном о неофициальной дипломатии на международном уровне, я надеюсь, что мои слова применимы также и другим видам дипломатии, равно как и к другим ситуациям, включая и события в нашей собственной стране. В последнем случае устанавливать контакты обычно гораздо легче, поскольку нет существенных культурных различий и крайних степеней напряжения. В случаях первого рода, по моему мнению, общие принципы установления отношений схожи, средства завоевания доверия универсальны, однако возможны значительные различия в контекстах. Более того, разница между официальным и неофициальным подходами во многих случаях размывается. Хотя я никогда не работал официальным дипломатом (пусть даже и занимал официальные посты), в качестве неофициального дипломата я очень тесно работал и с национальными правительствами и с международными организациями.

Настойчивость

Гражданская война в Нигерии стала конфликтом, привлекшим необычайное внимание из-за ужасающего голода и недоступности осажденного мятежного государства. Ряд видных деятелей совершили широко разрекламированные поездки в Западную Африку с целью добиться урегулирования. Большинство из них, как оказалось, ровно ничего не смогли достичь и вернулись домой спустя несколько дней. Эти усилия резко отличались от негласной работы миссионеров и других людей, которые проводили там годы с тем, чтобы разделить опасности, горести и лишения с народом, которому они посвятили свою деятельность.

Подобным же образом, миротворцы, извлекающие побуждающие мотивы к своим действиям из глубокого ощущения родства со всем родом человеческим, а особенно с теми, кто страдает, должны быть решительными и настойчивыми. О подлинности их идеалов можно судить по той силе, с которой они отказываются поддаваться унынию. И в самом деле, когда миротворцы (как возможно и все остальные) наиболее пессимистичны относительно перспектив установления мира и подумывают, не прекратить ли усилия, наступает самый важный момент для того, чтобы не падать духом и рвануться вперед.

Когда Друзья, искавшие решение войны в Зимбабве, уже проделали несколько, казалось бы, безрезультатных путешествий, двое из них посетили мудрого и уважаемого африканского лидера. Он настаивал на том, чтобы они продолжали усилия, невзирая на явное отсутствие результата. «Может казаться, что вы ничего не добиваетесь, – сказал он. – Но, по крайней мере, вы не даете угаснуть самой идее переговоров».

Истинное миротворчество должно продолжаться до тех пор, пока существует надобность. Проблемы немирного существования не разрешимы до наступления полного примирения, а эти слова означают, что миротворчество в некоторых своих аспектах является путешествием длиной в жизнь. Мы не можем отступить от нашей борьбы за

облегчение страданий, хотя обстоятельства, возраст например, могут заставить нас по-иному проявлять свою вовлеченность.

* * *

Я чувствую необходимость завершить эту главу обсуждением деликатного вопроса, который, пусть не универсальный, то почти таковой – а именно сложности в отношениях между миротворцами и их друзьями. Давайте рассмотрим гипотетическую ситуацию, основанную на моем личном опыте в нескольких местах, и подкрепленную информацией, которая доходила до меня о местах, где сам я не был.

Существует ситуация насилия – гражданская война, освободительная борьба, ожесточенный политический конфликт, либо несправедливость и угнетение, еще не взорвавшиеся открытым насилием, но уже близкие к этому. Местные Друзья неизбежно попадают сами в эту ситуацию. Вполне возможно, что развитие событий грозит им исходом, который негативно скажется на их жизни. Они, конечно же, против насилия, но тут неизбежно задействованы их привязанности и интересы. Что если насилие исходит от тех, кто защищает их от опасности? И они встают перед мучительной дилеммой. Болезненный выбор должен быть сделан даже в менее экстремальных случаях. Сам факт того, что человек – квакер, не предполагает определенных политические убеждений; в Британии есть Друзья, голосующие за все имеющиеся основные политические партии и приятно сознавать, что политические различия не обуславливают духовного разобщения. И, тем не менее, на Собраниях Друзей могут возникнуть разногласия по политическим вопросам, как и в других церквях. Я вспоминаю серьезное напряжение, которое возникло в США между теми, кто поддерживал поставки медицинских материалов во время войны от Американского комитета Друзей на службе обществу в Северный Вьетнам и теми, кто осуждал это как политический акт, незаконный и поэтому не соответствующий квакерским принципам.

В гипотетической ситуации возникновения насилия, некоторые Друзья решают придерживаться определенной линии поведения, это может быть как поддержка бунтовщиков, так и существующего режима. Наверняка, выбор будет основываться на соображениях духовного толка, но может случиться, что этот выбор поставить их в оппозицию к другим членам Собрания, которые решат, что их конкретные интересы и точки зрения получили неверную интерпретацию, не были приняты во внимание, или попросту проигнорированы. Могут возникнуть сильные чувства гнева и тревожности, в которых политические идеи и духовные ценности будут неразрывно связаны.

Если эти Друзья прибыли в страну извне, разногласия усиливаются, поскольку что общего между ними и возникшей ситуацией? Они не разбираются в данном вопросе, они прибыли с готовыми мнениями и предубеждениями против определенных групп, в которых на самом деле могут оказаться многие местные Друзья. Они просто поставят все с ног на голову и уедут домой, оставив местных Друзей разбираться с последствиями.

Побывав в шкуре такого незваного гостя и зная чувства тех, к кому гости являются, я в состоянии найти в себе симпатию к обеим сторонам. Те, кто вынужден предпринимать некие конкретные действия, независимо от того, являются ли они инсайдерами или аутсайдерами, просто обязаны тщательно проверить свои мотивы и предпосылки к ним. Не слишком ли они уверены в своей правоте? Понимают ли они полное значение своих планов? Не чувствуют ли они собственное превосходство по отношению к тем, кто не согласен с ними? Понимают ли они, почему некоторые не одобряют их действия? И если это так, то пусть они попытаются переосмыслить то, что делают, и почему. А сделать это можно, только представив ответы на окончательный арбитраж молитвы с тем, чтобы обеспечить изъятие всех мотивов самовозвеличения и удовлетворения собственного эго.

Но при этом им не следует стыдиться собственных импульсов. Поскольку они искали правду со смирением и искренностью, они обязаны действовать в соответствии с

этими принципами. Как-то раз, будучи в сложной ситуации, я обсуждал подобную ситуацию с одним африканским Другом. «Нет вопросов, – сказал он. – Ты должен сказать правду». По моему мнению, он имел в виду ту истину, что все люди едины в Боге, и что это единение придает одинаковый смысл и достоинство всем нам, и обуславливает наше поведение по отношению друг к другу. Мы только должны помнить, что эта истина одинаково относится и к тем, кто выступает против наших действий.

Если же, обдумав все самым внимательным образом, мы убеждаемся в правильности того, что мы делаем, мы должны продолжать, не позволяя отвлекаться на неодобрение других, не допуская, чтобы оно нас огорчало и порождало антагонизм. Вместо этого, мы должны понять чувства своих оппонентов и постараться объяснить свои действия, т. е. сказать правду, но не грубо, а с заботой и любовью к тем самым людям, у которых есть достаточно веские причины для того, испытывать определенные сложности, признавая эту правду.

V

ПРАКТИКА МИРОТВОРЧЕСТВА (2)

Согласно моему предположению, имеется три категории немирных отношений. Такая типология предлагает ключи к тому, как решать проблемы, связанные с ними. Категории эти следующие: отношения, в которых протагонисты обладают неравной властью и в которой обладающие меньшей властью *либо* пребывают в относительном невежестве по поводу последствий своего положения (Стадия Покоя), либо сознают это неравенство в более полном объеме и, следовательно, пытаются изменить ситуацию (Стадия Революции); отношения, в которых протагонисты более-менее равны по власти, к примеру, нации, конкурирующие за экономическое или территориальное превосходство, или соперники в бизнесе, или соседи, поспорившие о чем-то (Конфликт между Равными).

Эти типы налагаются друг на друга, переплетаются, и приобретают четкие очертания только в крайних случаях. Ситуации в Стадии Покоя отмечены невежественно апатичным смирением со статусом-кво; для Стадия Революции – военно-освободительным движением, и для Конфликтов между Равными они характеризуются враждебностью, но без угнетения одной стороны другой. Труднее всего провести различие между первыми двумя категориями, которые зачастую сливаются воедино. Так, на Стадии Покоя присутствуют островки осознания ситуации, точно так же, как на Стадии Революции, случается, осознание отсутствует. Данное утверждение можно проиллюстрировать примерами классового сознания (или социально-экономического статуса) в Британии. На определенном уровне многие люди – от плохо оплачиваемых рабочих до экономистов и социологов – имеют достаточно полное представление об этом понятии, по крайней мере, для того, чтобы оказать заметное влияние на национальную политику. Более того, у большинства людей имеется достаточно общее представление о классе, как о категории, дающей больше – или меньше – преимуществ и позволяющей чувствовать себя более – или менее – комфорtabельно в различных ситуациях. Правда, некоторые впадают по этому поводу в ярость. Но очень немногие способны точно оценить, как именно класс, к которому принадлежали их родители, повлиял на них самих, или какое значение их классовая принадлежность имеет уже для их собственных детей, поскольку подобное воздействие носит длительный характер.

Возможно, самым важным отдельно взятым элементом как раз и является осознание. Мало кто из людей владеет знанием в полном объеме, а недостаток понимания происходящего в полной мере всегда влечет за собой ущерб действиям.

Я также предположил, что в подходе к миротворчеству (или, возможно, следовало бы сказать, по меньшей мере, к изменению ситуации, считающейся немирной) может доминировать инь, или янь, или они оба в гармоничном соотношении. Поскольку для

меня обязательность стремления квакерского миротворчества к установлению баланса между инь и янь является аксиомой, именно на этом варианте я и сконцентрирую свое внимание. Обычно квакеры уделяют слишком большое внимание осознанию духовной реальности и опасности насилия в случае пренебрежения ею, чтобы удовлетвориться подходом, делающим акцент на янь. А их пресловутая практичность мешает отдавать явное предпочтение инь. Сие означает, что существует три соответствующих типа миротворческих усилий, по одному на каждый из трех типов немирных отношений.

Когда я работал над этими страницами, я боялся, что мои соображения могут выглядеть абстрактными и имеющими весьма отдаленное отношение к предмету обсуждения, тем самым отделяя идеи от фактов. Сведение отношений или миротворчества к определенным типам может показаться педантическим теоретизированием. Однако я полагаю, что все мы без исключения бывали вовлечены в три основных типа немирных отношений, причем в нескольких разных ролях – как инициатор немирной ситуации, как ее жертва, или как лицо, пытающееся трансформировать ее в мир. Главным образом мы заинтересованы в последней роли, но нашему пониманию происходящего может помочь, если мы также будем помнить и о других ролях, которые нам доводилось играть.

Стадия Покоя

Вероятно, всем нам приходилось пребывать на этой стадии. В этот момент на людей оказывают неблагоприятное влияние ситуации, которые едва ли им понятны и которые они, безусловно, не способны осознать в полной мере, равно как и их последствия. Вследствие чего люди безмолвно страдают, без надежды и постижения происходящего. Подобные ситуации имеют место по всему миру, в сообществах любого типа и на любом уровне. Их наиболее экстремальные формы обычно ассоциируются с нищетой и невежеством со стороны угнетаемых групп и деспотическим правлением со стороны власти имущих. Но они прекрасно известны и более скромным гражданам в богатых демократических государствах. Самым ярким примером из моего личного опыта является отдаленное феодальное княжество в Гиндукуше. Там крестьян, которых называют Faqir Mishkin (дословно «жалкие бедняки»), не только заставляют подневольно работать, но еще и берут с них налоги натурой, отнимая десятую часть скучного урожая, выращенного ими в высокогорных каменистых долинах. Каждый год из-за этого оброка, их запасы продовольствия заканчиваются до того, как созреет новый урожай. Каждый год в это время они практически голодают и едят в основном траву, сдобренную солью. Старые и слабые умирают от голода, но мне говорили, что основной причиной смертей является желудочная непроходимость, вызванная травяной диетой. Мы с женой побывали там как раз в голодное время, и тамошние жители страдали от того, что не могли оказать нам гостеприимство – ведь так часто самые щедрые сердца у самых бедных. Они боялись и ненавидели своих господ, но беспрекословно мерились со своей судьбой. «А что мы можем сделать? – говорили они. – Всегда так было. Выносить такую жизнь тяжело, но такова уж наша участь». У них нет надежды, ни малейшего представления о таких понятиях как социальная справедливость и права человека. Новые философии России и Китая, расположенных не так далеко по другую сторону гор, никогда еще не проникали к ним.

Мой собственный опыт в роли жертвы, не понимающей ситуации и не обладающей властью изменить ее (позже я уже был жертвой, знающей как сопротивляться) длился на протяжении большей части моих школьных лет. Я смирился с системой, которую боялся и ненавидел, не имея ни малейшего представления о том, что мог хоть как-то изменить ее или вести себя по-другому. Теперь-то я вижу, что мог это сделать. Конечно, я понимаю, что по сравнению с тем, что пришлось вынести миллионам других людей, это попросту пустяки, но на меня мой опыт произвел сильное впечатление.

В качестве инициатора немирных отношений я бы выделил свои роли отца и учителя. Тот факт, что в обеих ролях я старался действовать объективно и с любовью, к делу отношения не имеет. Я могу видеть, что навязывал своим детям свои капризы, пристрастия и предрассудки в том возрасте, когда им трудно было аргументировано возразить, и когда им проще было принять мои требования, как представляющими реальность, какими бы занудными они ни были. Они могли только соглашаться с тем, что могло казаться совершенно неразумным, или же реагировать вспышками гнева и раздражения, дуться на всех окружающих или реагировать с подавленной обидой. Я глубоко тронут тем, что сейчас они такие милые и любящие по отношению ко мне.

Как учитель, по крайней мере, до тех переживаний, что мне довелось испытать и которые я упоминал здесь, я навязывал стандарты, которые, как я теперь понимаю, были традиционными, надуманными и даже вредными для настоящего обучения. Сейчас я понимаю, что, хотя некоторым моим студентам (я надеюсь) лично я был симпатичен, они справедливо возражали против системы, которую я тогда защищал. Но они не могли видеть путей к изменению системы, и поэтому, опасаясь, что протест может повредить их академической карьере, пытались приспособиться, хотя и испытывали при этом чувство глубокого неудовлетворения. Полагаю, что имеются и другие примеры, но я слишком слеп, чтобы заметить их.

Мой опыт начинающего миротворца на Стадии Покоя был ограничен. В конце 40-х годов я работал с двумя сельскими общинами в Англии. Моя задача, как я ее видел, заключалась в том, чтобы помочь им разобраться во взаимоотношениях с властями и поступать таким образом, чтобы убедить эти самые власти вести себя более толерантно и разумно. Мои усилия оказались достаточно успешными, но следует отметить, что власти – что редко случается в других частях света – были, в сущности, благожелательно настроены. В бытность свою советником по образованию и социальным вопросам при правительстве Пакистана в течение нескольких лет (в то время туда входил и нынешний Бангладеш) я имел возможность неоднократно сталкиваться с подобными вопросами. Результаты были весьма различными. Хотя власти редко выказывали истинное недоброжелательство, дистанция между ними и сельским населением была бесконечно больше, нежели в Британии. Я мало что могу рассказать о своей работе в тех обстоятельствах. Я еще не стал Другом, и многие мысли, на которые опирается эта книга, в то время были мне попросту неизвестны. Я просто упоминаю этот период в качестве иллюстрации немирного отношения, к разрешению которого я лично прилагал усилия.

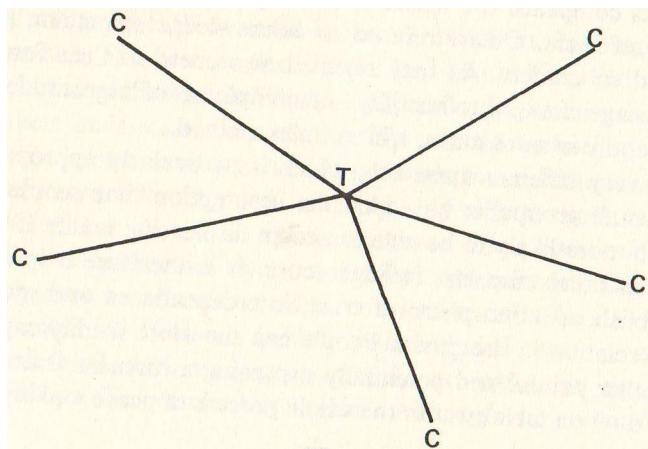
Впрочем, я также занимался с группами студентов, с коллегами, друзьями и друзьями, прилагая усилия к тому, чтобы повысить уровень нашей коллективной сознательности. Хотя в определенном смысле этого желали все, с другой стороны, очень часто наблюдалось и сопротивление, поскольку все мы смутно ощущали, что нам откроется неудобная правда, и что она подтолкнет нас к действиям, которые могут оказаться эмоционально или даже физически опасными, и что она потревожит уютное равновесие наших жизней. Таким образом, попытки повысить осознанность должны не только учитывать трудности, свойственные процессу донесения информации, но также и нежелание, или, по меньшей мере, двойственное отношение, с которым эта информация воспринимается. Один из подходов к повышению осознанности можно назвать шоковым методом. Группу сталкивают с фактами, которые она предпочла бы игнорировать. Это происходит без обиняков, даже жестоко или гневно. Так, в своем гневном противостоянии с белыми либералами, американские чернокожие принудили белых посмотреть в лицо собственному расизму. Или хотя бы некоторых из них. Другие отказывались признавать реальность, представленную столь жестоко. И, поскольку они отказывались признать осознание, их былое покровительственное отношение сменилось на враждебность и жалобы на «неблагодарность». В некоторых случаях это буквально означает метод проб и ошибок.

Совершенно иной подход, который особенно хорош для небольших групп, основывается на допущении, что людям гораздо легче согласиться принять неприятную реальность, если они чувствуют свою безопасность в неких других аспектах. Таким образом, бывает полезно установить в такой группе атмосферу доверия, взаимозависимости и взаимного уважения. Людям гораздо легче исследовать вопросы болезненные и потенциально угрожающие, но ведущие к повышению осознанности вместе, а не поодиночке. Во всем процессе миротворчества трудно отыскать проблему более важную, нежели помочь в познании правды.

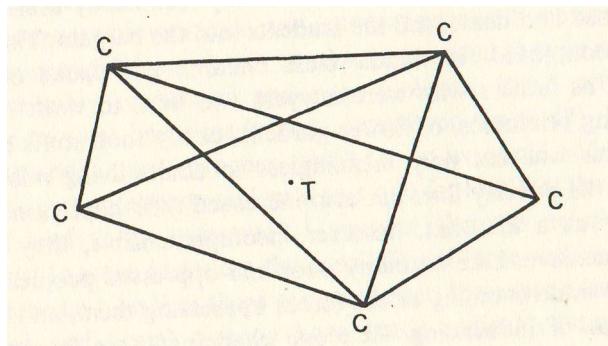
Убедительные примеры создания осознанности на Стадии Покоя приводятся в работе Данило Дольчи и Паулу Фрейре*.

*См. Библиографию. Они написали ряд других книг, с которыми читатель, вероятно, захочет ознакомиться.

Много лет тому назад Дольчи приехал на Сицилию в короткую командировку. Но то, что он увидел там, глубоко его обеспокоило, и там он и остался. О его работе много писал и он сам и другие. Я сошлюсь только на один аспект его деятельности, о котором он сам мне рассказывал. Дольчи очень переживал из-за того, что сельские жители не делали ровно ничего, чтобы противостоять мафии, которая играла в их жизни решающую роль и всячески эксплуатировала их. Почему, спрашивал он, ну почему они не могут объединиться, чтобы отстаивать свои права? Совместной их моци трудно будет противостоять. Они озадаченно смотрели на него и отвечали, что не привыкли так поступать. Дольчи объяснял такое положение дел примером из школьного класса. Когда учитель деспотического нрава склонен запугивать своих учеников, дети настолько озабочены тем, чтобы сохранить его хорошее расположение, что они уделяют мало внимания друг другу. Все контакты происходят между отдельно взятым ребенком и учителем, а связи между детьми весьма незначительны. Дольчи нарисовал следующий рисунок:

По его словам, он поставил перед собой цель изменить этот рисунок следующим образом:

Здесь учитель перестает быть центром коммуникации, а дети соединены друг с другом, или, как в конкретной ситуации, крестьяне соединены друг с другом в обход босса мафии.

Как бы то ни было, мало-помалу ему удалось убедить крестьян принять участие в небольших совместных проектах. Они построили загон для кур и маленькую плотину, начали совместно закупать семена и корма. Не торопясь, он сумел выстроить модель сотрудничества и самодостаточности в общине. Возможности мафии контролировать жизнь общины, сочетая угрозы, экономический контроль и политику «разделяй и властвуй» значительно уменьшились. Принимая во внимание то обстоятельство, что он вел ненасильственную кампанию борьбы за справедливость, для многих так и осталось загадкой, почему Данило Дольчи не убили, Вероятно, сам успех и последующее международное признание сделали его неприкосновенным.

Паулу Фрейре – бразильский педагог и философ, некоторое время работал среди самых бедных общин северо-восточной Бразилии. Его задачей было образование для взрослых, но он обнаружил, что имевшиеся там учебники были не просто технически непригодны к использованию. Помимо этого, они попросту сбивали с толку и унижали достоинство его учеников. Книги были написаны для детей из среднего класса, в них рассказывалось об отцах, работавших юристами и отправлявшихся на работу в машинах с портфелями в руках. Упоминались там и цветники, и дорогая еда и т. д. Для взрослых, отчаянно боровшихся за существование намного ниже черты бедности, такие учебные материалы были не только бессмысленными, но увеличивали ощущение безнадежности, намекая, что есть жизнь, пусть даже и находящаяся за пределами их понимания, но абсолютно для них недостижимая. Подобно многим другим угнетенным беднякам, они не понимали, какие силы их угнетают, и, следовательно, не имели надежды повлиять на эти силы, не говоря уже о том, чтобы изменить их. (Американский друг рассказывал мне похожую историю о том, как он учил грамоте молодых заключенных по текстам волшебных сказок для детей.)

Фрейре решил, что невозможно обучать грамоте вне социального контекста. Если учить людей читать и писать о том, что имеет для них значение, они будут учиться легко и запоминать то, чему научились (портфели, виноградные кисти и цветники забывались сразу же). Что еще более важно, он также считал, что можно изучать предметы таким образом, что в процессе обучения учащиеся будут получать понимание природы их общества вместе с политическими и экономическими факторами, влияющими на него. Он делал это посредством гибкой и остроумной системы, основывающейся на использовании слов, которые, по результатам его собственного исследования, имели наибольшее значение для крестьян. (Он говорит о «порождающих темах», о реальности, лежащей в основе человеческого существования; он использует эффектную фразу «назвать мир», имея в виду, что, приобретая власть давать дефиниции реальности, мы тем самым обретаем возможность изменить ее.) Неудивительно, что власти почувствовали угрозу, исходящую от растущей социальной осведомленности, новой способности людей анализировать собственную ситуацию, совмещенную с начатками умений, которые

помогут им принять участие в событиях, разбираясь в том, что происходит. Неудивительно, что Фрейре посадили в тюрьму, а потом вынудили покинуть страну.

Эти два примера вызывают интересные и, возможно, противоречивые вопросы. Как Дольчи, так и Фрейре предприняли определенные шаги с тем, чтобы повысить сознание угнетенных и невежественных групп. Такое действие, если оно достигает цели, неизбежно ведет к социальным изменениям и очень даже может быть, что к беспорядкам или даже насилию. Но я отсылаю читателя к теме, затронутой ранее. Разве мы рискуем также, как эти двое? Или же мы избегаем предпринимать какие-либо действия, способные нарушить статус-кво, и без того исполненный насилия, опасаясь, что результаты могут привести к перевороту? Полагаю, однозначного ответа не существует. В ряде случаев вероятность крупномасштабного насилия представляется высокой, но очень часто в подобных ситуациях длительная и жестокая тирания сделала радикальные изменения в высшей степени желательными. Недавние события в Никарагуа дают красноречивый тому пример. Так неужели мы отважимся отвергнуть риск в подобных случаях?

Лично я полагаю, что мы должны действовать, чтобы повышать осознанность, или поддерживать тех, кто делает это. Но все зависит от используемых методов, и я бы предположил, что страстный призыв к восстанию и свержению цепей деспотизма просто-напросто добавит насилия к уже существующему. Я выбрал в качестве примеров Фрейре и Дольчи, потому что оба они люди глубокой духовности, отвергающие насильтственные решения. О Данило Дольчи часто говорили как о сицилианском Ганди и хотя в определенных аспектах это не совсем точно, в других это именно так. Вся его борьба, включавшая голодовку как и у Ганди, направлена против систем, а не против людей, возглавляющих системы. Когда запретили публичные митинги, он презрел распоряжения, но собравшиеся люди брались за полезную работу на благо всех групп сообщества. Оба они твердо придерживались конечной цели – примирения. Фрейре говорил: «Дегуманизация, которая оказывается не только на тех, чью человечность укради, но также (хотя и по-иному) и на тех, кто ее украл, есть искажение призыва улучшать свои человеческие качества... для того чтобы эта борьба (против угнетения) обрела смысл, угнетаемые не должны в своем стремлении отвоевать свою человечность... превращаться сами в угнетателей, но скорее выполнять миссию возрождения человечности как в тех, так и в других».

Как же следует квакерам или другим начинающим миротворцам со схожим мировоззрением подходить к вопросу повышения осознанности среди людей, с которыми они работают? Заранее предполагать, что они невежественны, а вы умны и способны, может быть самонадеянным и опасным. Мало кто из нас имеет право на то, чтобы конкретно работать над повышением осознания. Люди калибра Дольчи и Фрейре развивали и совершенствовали свое понимание сути происходящего и мастерство нелегким путем. Однако, хотя большинство из тех, кто работает с сообществами на Стадии Покоя, занимаются в основном сельским хозяйством, здравоохранением или образованием, эту работу невозможно выполнять эффективно без роста осознанности, поскольку проблемы сельского хозяйства и т. д. являются не только техническими, но и социальными. Работникам в таких условиях требуется незаурядное искусство. Помимо способностей инь по установлению хороших чисто человеческих контактов, они должны обладать и высокоразвитыми умениями янь. Они должны быть *хорошими* учителями, инженерами, агрономами, ветеринарами, врачами-гигиенистами или медсестрами, социальными работниками, недорогими экспертами в домостроении, и т. д. Им нужно разбираться в культуре, политической системе, экономике. Желательно, чтобы у них был практический опыт (хотя всегда что-то случается в первый раз.) И, конечно же, они должны быть людьми чувствительными.

В заключение давайте вкратце вернемся к вопросам осознанности. Работники, миротворцы должны научиться тому, как обращаться с возрастающей осознанностью, которая может развиться как побочный результат их работы – это обсуждается далее. И

хотя уровень осознанности, достигший критического значения, может стать предпосылкой к социальным переменам, его первостепенное значение все же в обретении самосознания, осознания нашей истинной сущности, нашей природы. Бороться против такой осознанности, хотя бы пассивно воздерживаться от помощи ей означает противостоять Святому Духу. И как бы Друзья ни воспринимали социальную ситуацию, эта осознанность означает прежде всего осознание того, что Бог есть в каждом из нас: и кто знает, куда эта осознанность может нас привести?

Стадия Революции

Эта стадия может последовать за Стадией Покоя через много лет, либо может частично перекрывать ее, из нее же и возникая. Не вызывает сомнений, что эта стадия является разрушительной. Большинство из 150 или около того войн, что бушевали с 1945 года, были как раз в рамках этой стадии. Многие современные или срванительно недавние очаги насилия были как раз этого сорта: Зимбабве, Никарагуа, Иран, Ближний Восток, Ангола, Эфиопия могут считаться яркими примерами, которые первыми приходят на ум. Но их, конечно, много больше. Эти схватки, каким бы зловещим ни оказывался их исход, начинались со стремления к справедливости и освобождения от угнетения. Я бы хотел предварить обсуждение этой болезненной и противоречивой стадии, вызывающей ожесточенные споры между теми, кто стремится к одним и тем же целям, но с помощью разных средств, несколькими цитатами, которые дают верную перспективу обсуждаемой теме. Сначала Джон Вулман: «Угнетение в высшем его проявлении выглядит ужасно: но угнетение в более рафинированном обличье все равно остается угнетением. И там, где лелеют хотя бы малую его частицу, угнетение ширится и набирает силу. Труд по полному избавлению от самого духа угнетения есть самое насущное дело всей семьи Христовой в этом мире».

Вторая цитата взята из Свортморской лекции Конрада Брауна, прочитанной в 1950 году: «Те, кто желает установить царство мира и любви, должны бороться также и за справедливость, собственно, за справедливость прежде всего. Если мы рассматриваем мир не как негативное и застойное состояние, как отсутствие войны, но как конструктивный и динамичный процесс, тогда социальная справедливость, международная справедливость и межрасовая справедливость должны стать неотъемлемой частью этого процесса, его побуждающей силой. И если любовь помогает возродить и вдохновить социальные, международные и межрасовые отношения, то справедливость должна прежде всего стимулировать ту свободу личности, без которой не может быть любви».

В-третьих, кратко и емко сказал пророк Мухаммед: «Освободи пленника, если лишен он свободы несправедливо; помоги каждому угнетенному». Далее Иеремия: «производите суд и правду, и спасайте обижаемого от руки притеснителя». И, наконец, мне напоминает Джозеф Флетчер, американский теолог, что «любовь и справедливость это одно и тоже, просто справедливость есть просто-напросто любовь распределенная».

Я бы хотел пояснить, что, говоря о Стадии Революции, я не выступаю в ее защиту. Миру жилось бы легче и счастливее, если бы те, кто совершает несправедливые акты угнетения, вдруг испытали перелом в убеждениях. (В какой-то мере в этом и состоит задача ненасильственного подхода.) Однако приходится утверждать, что эта стадия почти неизбежна в той или иной форме, когда угнетенные просыпаются. Несомненно, нам, жителям многих регионов Западной Европы, повезло, что события, сравнимые со Стадией Революции, имели место до того, как появились отчаянное напряжение, гнев и смертоносное оружие современности. Но, может быть, было бы неразумно поздравлять себя преждевременно.

Стадия Революции фактически всегда с нами, или в действительности или в зародыше в очень многих частях мира. Мы должны быть к ней готовы. Мы должны учиться, как на самом деле следует стремиться к справедливости, миру и примирению, как

признавать нашу близость друг к другу. И снова обратимся к Иакову: «Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир». Мы должны трудиться над тем, чтобы Стадия Революции вместо кровопролития и ненависти несла конструктивное начало и любовь.

Роль миротворца на этой стадии сложна и трудна. На чьей он/она стороне? Естественной тенденцией, казалось бы, должна быть такая симпатия к угнетенной группе, жаждущей справедливости, что невозможно избежать отвращения к угнетателям. Такое отношение, однако, противоречит принципам миротворчества, основывающимся на надежде на полное примирение. Несправедливости неравенства противостоять нужно, но тех, кто кажутся ответственными за него (хотя случается, что их лично трудно винить в этом), не нужно ненавидеть или обращаться с ними как с врагами. Как говорил Фрейре, их тоже калечит то, что они делают. Вместо этого, их следует рассматривать, как действующие лица в общей ситуации, из которой их тоже необходимо спасать.

Нелегко поддерживать такого рода беспристрастность и передавать другим. В действительности, некоторые квакеры-миротворцы ощущали невозможность выполнить все равно, что идти по тугу натянутому канату столь непростого акта морального уравновешивания, и это несмотря на пример Джона Вулмана, который старался пробудить любовное уважение между рабами и рабовладельцами, хотя был поборником первых и принимал гостеприимство вторых. В этом случае они целиком и полностью связывают свою судьбу с угнетенными революционерами. (Я использую слово «революционер», чтобы обозначить человека, пытающегося провести радикальные изменения, но не обязательно с применением оружия.) Вступать в контакт с угнетателями, по их словам, значило бы утратить доверие своих друзей среди жертв – и в придачу так и не иметь влияние на угнетателей. Мне несложно симпатизировать этой точке зрения и на самом деле действовать в соответствии с ней.

Как-то раз меня попросили отправиться с миссией «примирения» в Восточный Пакистан (сейчас Бангладеш), где безжалостные правители из Западного Пакистана опустошали беззащитную провинцию, предпринявшую попытку добиться независимости. Я отказался, с большой неохотой, потому что знал и любил этих людей. Однако я был уверен, что правители отвергнут мои ходатайства о снисхождении. Я мог только предложить им не отторгать от себя своих же подданных так бесповоротно (которые занимали важное место в экономике как производители), подвергнув их массовому уничтожению, поскольку возможно, это было бы в их собственных интересах. Единственное примирение, которое я мог бы достичь, было бы примирение жертв несправедливости с их порабощенным положением, с постыдной капитуляцией. Если бы, вопреки всем ожиданиям, они поддались бы на мои увещевания, то немирная ситуация, вызванная довольно робкой попыткой получить независимость, и последующие кровопролитие и разорение были бы заморожены. И спустя несколько лет немых страданий снова взорвалась бы открытым насилием.

Тем не менее, я думаю, что ошибался. В общем и целом я считаю, что было бы правильно хотя бы попытаться поддерживать отношения с обеими сторонами, какими бы неподходящими ни казались обстоятельства. Более того, во многих других случаях я обнаружил, что такая линия поведения вполне возможна, хотя часто возникают сложности. Однако следует со всей определенностью заявить, что контакты с угнетателями никоим образом не оправдывают их действия и не ослабляют поддержку угнетенных и преданность их делу. На Стадии Революции миротворец должен становиться на сторону жертв. Его главная цель их освобождение. Но достижению этой цели могут содействовать контакты с угнетателями. Ведь его вторая цель, а именно, освобождение угнетателей из ловушки деградации, не может быть реализована, если у миротворца нет с ними контакта.

Наша вера в то, что Бог есть в каждом из нас, должна самым серьезнейшим образом влиять на наш подход к Стадии Революции. Мы не можем разрушать или унижать тех, чьей политике насилия – прямого или структурного – мы противостоим. Для

нас открыт единственный путь – ненасильственных действий. Мы можем сами действовать подобным образом, если принадлежим к угнетенной группе, или учить других, если сами к этой группе не принадлежим. Но и в том и в другом случае мы должны изучить принципы таких действий. (Разумеется, чем активнее мы включаемся в ненасильственную борьбу, тем труднее для нас поддерживать контакты с противной стороной. С этой угрозой приходится мириться, но мы можем утешаться тем, что многие активисты ненасильственной борьбы, такие как Махатма Ганди и особенно Мартин Лютер Кинг поддерживали отношения со своими оппонентами, а время от времени и со своими тюремщиками.)

Доктрина ненасильственных действий это доктрина Иисуса: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благоворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»; «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром». Как говорил Будда «Ненависть нельзя остановить ненавистью; ненависть можно остановить только любовью» и «Пусть человек преодолеет гнев любовью и зло добром». Столетия спустя Ганди утверждал, что «ненасилие есть самая великая и самая действенная сила в мире. Невозможно исповедовать ненасилие, оставаясь пассивным... Тот, кто в жизни своей изъявляет ахисма (санскр. – непричинение зла), тот изъявляет силу, превосходящую все силы жестокости». И еще: «Человечество должно избавиться от насилия через ненасилие. Ненависть можно преодолеть только любовью. Встречная ненависть может только увеличить количество ненависти, а также и ее силу... Добротели милосердия, ненасилия любви и истины (следует) противопоставить жестокосердию, насилию, ненависти и лжи». И, наконец, я процитирую Мартина Лютера Кинга. «Ненасильственный подход делает что-то с сердцами и умами тех, кто исповедует его. Он дает людям новое чувство самоуважения. Он вызывает к жизни ресурсы силы и отваги, о наличии которых они даже не подозревали. И, наконец, он способен всколыхнуть совесть оппонентов, так что примирение становится реальностью» (курсив мой).

Невозможно притвориться, что ненасилие легкое занятие. Любить врагов своих противоречит привычному ходу мыслей. Это значит, что нужно перестать думать о них как о врагах, отделить дурные поступки от тех, кто их совершает, отказаться от возможности мести и растворить обиду во всепоглощающей любви. Но установки на насилие – всего лишь плохие привычки, привнесенные в разум, по сути своей вечный и универсальный. Из этого вытекает, что, по большому счету, доктрина ненасилия более естественна, нежели зловещая теория о мести и возмездии.

Стадия Революции может развиваться различными путями. Даже начинаясь ненасильственно, она может превратиться в насильственную (такова тенденция в Южной Африке). Если она успешна, новые правители могут оказаться способными только на то, чтобы законсервировать, хотя и в измененном виде, то же самое неравенство, которое творили их предшественники. Если угнетатели достаточно умны и коварны, они попытаются подкупить революционеров уступками, неспособными оказать решающее влияние на соотношение сил, но в то же время их можно будет замаскировать под победы для угнетенных, которые в итоге ослабят давление. Или же все движение может быть раздавлено.

Вне всякого сомнения, будет очень тяжело сохранить последовательный подход к миротворчеству во время таких возможных перипетий. На миротворцев будут оказывать страшное давление, и наверняка, по мнению многих они окажутся весьма непопулярными. Они могут поддерживать себя абсолютной уверенностью в конечной цели, актуализацией полного потенциала всех участников, вместе с уверенностью в том, что если их не выбьют из седла сомнения, страх или неразбериха – а этого трудно избежать в данных обстоятельствах – то тогда путь будет открыт.

Во время этой в высшей степени жесткой, запутанной и опасной стадии (Ганди и Кинг, на которых я так часто ссылаюсь, оба были убиты), перед миротворцами стоит несколько задач. Во-первых, обучение и практические занятия по искусству

ненасильственных действий: как оказывать открытое неповинение, как протестовать, устраивать обструкцию, создавать беспорядки, дезорганизовывать, и при этом не причинять угнетателям такого же ущерба, который они причиняли угнетенным; как делать это все с минимумом риска для самих себя и своих товарищей; как принимать, если это неизбежно, риск и страдания. (Для того, чтобы более подробно рассмотреть эти вопросы понадобилась бы еще одна книга.)

Во-вторых, фактическое участие в революционном миротворческом процессе – тщетно говорит людям, что им нужно делать, если сам не задействован в этом.

В-третьих, озабоченность положением другой стороны, что выражается в усилиях, направленных на установление потенциально конструктивных контактов там, где это возможно.

Должен признать, я недостаточно компетентен в проблемах Стадии Революции, поскольку сам я всего лишь один раз, достаточно недолго и с катастрофическим результатом, принимал участие в типичном (если уместно воспользоваться таким выражением) конфликте, когда слабые пытались противостоять сильным. Несколько других ситуаций, где я был замешан, обладали рядом характеристик освободительной борьбы. Обстоятельства, однако, воспрепятствовали моему исполнению ролей, которые я только что описал.

Конфликт между равными

Более общее понимание функций миротворца подразумевает исполнение им ролей посредника, переговорщика или связующего звена в международных, трудовых или иных конфликтных областях. Большая часть моего непосредственного опыта была именно в первой из вышеперечисленных областей, дважды в Африке, один раз в Азии и один – гораздо ближе к дому. Моя деятельность в этом качестве началась в 1965 году, хотя и с интервалами и на разных уровнях интенсивности.

Во многом такая работа проще и менее двусмысленна, нежели усилия миротворца на стадиях Покоя и Революции, и люди, задействованные в посредническом процессе, часто имеют совершенно разную предысторию. Работники на Стадии Покоя могут изначально считать своей задачей, скажем, деятельность в области образования или здравоохранения. Постепенно они могут обнаружить, что границы кажущегося чисто профессиональным задания расширяются. Эти люди могут вдруг обнаружить, что оказались уже на Стадии Революции благодаря социальным изменениям, за которые и они также отчасти несут ответственность. И тогда им, вполне вероятно, придется решать, менять или не менять свои миротворческие функции. Однако миротворцы, с самого начала задействованные на Стадии Революции, могут иметь предысторию иного толка. Это могут быть юристы, политики, офицеры, потерявшие всякие иллюзии, или же снова учителя, социальные работники и врачи (эти последние три группы вездесущи там, где речь идет о социальных переменах и миротворчестве). Обычно официальными посредниками в международных конфликтах выступают профессиональные дипломаты или люди, хорошо разбирающиеся в политике. (В других сферах, таких как промышленность, требуются переговорщики с иным диапазоном квалификаций и умений. Я знаю о них крайне мало, и поэтому ничего писать не буду.) Неофициальные посредники, квакеры и другие, связанные с ними или выполняющие подобные функции, похоже, не обладают никакими определенными полномочиями. Целый ряд квакерских представителей по международным вопросам или просто квакерских представителей, как их теперь называют (самое близкое к квакерским послам), или люди, выполняющие особые миссии во времена конфликтов, зачастую имели опыт работы в университетах и преподавали самые разные предметы. Другие были бизнесменами. Некоторых выбрали потому, что они были знакомы с местными условиями, других потому, что у них был соответствующий опыт где-то в иных местах, или проявляли положительный подход к

возникшим проблемам. Возможно, мой случай можно назвать типичным. Мое первое задание квакерской мирной миссии было связано с индо-пакистанской войной 1965 года. Я был университетским преподавателем, и в течение нескольких лет специализировался на проблемах развития Третьего мира. Как я уже упоминал, я провел почти три года кряду и потом еще два отрезка времени покороче в качестве советника правительства Пакистана по социальным вопросам. За это время я неплохо узнал страну и познакомился со многими ведущими фигурами, включая президента. (Когда я был студентом, я даже встречал Индиру Неру, как она тогда звалась, но это к делу не относится.) Вдобавок я был крайне обеспокоен негативным эффектом конфликта на развитие, которому мои коллеги и я сам старались содействовать. Там я и обнаружил, что многому нужно научиться. Мы метались между Равалпинди и Дели, надеясь, что наши переговоры смогут внести хотя бы скромный вклад в сглаживание опасной ситуации. И тут оказалось, что мои «знания» необходимо значительно пополнить. Я должен был обеспечить себе максимум информации о текущем положении дел и об их подоплеке. Я должен был научиться учитывать, насколько обнажены чувства вовлеченных в конфликт, насколько осторожным нужно быть, чтобы избегать затрагивать эти чувствительные моменты. И если бы мне довелось сказать что-нибудь невежественное или необдуманное, то никто бы не стал больше меня слушать. Мне даже пришлось научиться азам дипломатического поведения. Конечно, никто не ожидает от квакера имитации профессионала. Однако представляется неразумным слишком далеко отходить от общепринятых норм поведения во время визита к министру или официальному лицу, это может отвлечь внимание от того, что, собственно, вы хотите донести до слушателя.

Но различия между разными типами квакеров-миротворцев, могущие существовать, и которым, вполне возможно, лучше было бы не существовать, все же не столь важны, как сходства между ними. Все они стремятся к одной и той же конечной цели – способствовать установлению мирных отношений, уничтожению социальных, психологических и материальных условий, ведущих к конфликту, и соответствовать знанию, что Бог есть в каждом из нас. И в какой бы области они ни работали, их цель очень сильно отличается от задач чистого техника, чья работа начинается и заканчивается строительством ирригационной системы или сбытом сельскохозяйственной продукции. Разнится она и от устремлений революционеров, планирующих свергнуть одно правительство и заменить его другим, при этом не будучи особо разборчивыми в средствах. Иная цель стоит и перед дипломатом, прилагающим усилия к тому, чтобы положить конец конкретному конфликту. Не существует такого понятия, как «чистый» техник, революционер или дипломат. Подозреваю, что задачи большинства простираются за рамки отдельно взятой работы, но здесь уже речь пойдет о том, как далеко заходит этот процесс. Миротворцы, о которых я говорю, заинтересованы в равной степени и в окончательном примирении и в решении сиюминутной проблемы. Они воспринимают все, что делают, в двуедином контексте: относительно достижения высшей гармонии у всех участников, и относительно устранения несправедливостей и конфликтов, блокирующих достижение такой гармонии.

Заканчивая этот раздел, я хотел бы сказать о подходе миротворцев к такому типу немирной ситуации. То, о чем я буду говорить, основывается на моем собственном опыте и на опыте тех, кто занимался той же работой, что и я, а именно о других квакерах и людях со сходным мировоззрением, которых в своей книге «Миротворчество» я назвал неофициальными дипломатами.

Их статус частного лица имеет, как я уже отмечал, как преимущества, так и недостатки. У них редко имеется организация, эквивалентная посольству, которая могла бы поддерживать их работу и обеспечить материальную помощь (хотя местные доброжелатели могут послужить прекрасной заменой). Нет у них и дипломатических паспортов и других подобных преимуществ. С другой стороны, они не прикованы к «линии», которой обязаны следовать независимо от того, верят они в нее или нет. И

репутация, приобретенная в результате проявления дружественной беспристрастности, обретает неизмеримую ценность в процессе работы над сложными и деликатными вопросами конфликтов, враждебности и непонимания.

Следующим неоспоримым достоинством миротворцев такого рода является то, что их вовлеченность в ситуацию определяется заботой обо всех ее участниках. Именно благодаря этому, они обретают ту силу веры, которая помогает им в их требующей большого напряжения нервной работе, которая иначе могла бы стать смертельно тяжелой, изнурительной поденцией. Когда я встречался с кем-нибудь, подходящим под описание «опасного типа», я старался отойти от этого штампа и вести себя так, как будто встретился с другом, который мне симпатичен и которого я уважаю. Удивительно, как сразу меняется человеческое общение, оно становится живым и теплым. Я также напоминал себе о напряжении, боли и страхе, которые большинство лидеров испытывают в трудные времена. Лидеры одиноки. Чем более зловещей становится ситуация, тем глубже их одиночество. Ни один человек, ответственный за ведение боевых действий, не может оставаться открытым или непринужденным. Военная необходимость доминирует над всеми их контактами. Из-за уязвимости собственной позиции, такой лидер вынужден быть осмотрительным в выборе тех, с кем имеет дело и на каких условиях. Он может опасаться покушения, и из-за этого еще более категорично отказаться от обычных контактов. В любом случае, требования протокола отгораживают его от народа, странная ирония заключается в том, что, чем больше ответственность лидера за свой народ, тем меньше он находится в контакте с теми, перед кем он эту ответственность несет. Таким образом, как ни парадоксально, на вершине власти лидер может быть недостаточно информирован, или же информация может быть искажена из-за того, что его подчиненные говорят ему то, что, по их мнению, он хочет знать. Случается, что они цензурируют информацию о войне, поскольку сами за этот аспект войны и отвечают, или потому, что они вообще хотят представить себя в более выгодном свете. Короче говоря, лидерам нужна дружба и поддержка людей, которые, как им хорошо известно, скажут правду, у которых нет личного интереса, и которые проявляют искреннюю добрую волю. Я верю, что элемент дружбы между миротворцами-квакерами и действующими лицами смертоносных распреяй как раз и является решающим моментом их участия.

В этой связи меня неоднократно спрашивали, как мы трактуем тот факт, что миротворцы вступают в отношения, часто весьма близкие, с приверженцами насилистенных путей решения своих проблем. Говорим ли мы им, что не одобляем того, что они делают или побуждаем их раскаяться и отказаться от привычных методов? А если нет, то как мы ухитряемся согласовать свои поступки со своими принципами? Я лично отвечаю, что никогда не позволяю себе критиковать людей, попавших в ситуацию, которую я с ними не разделяю, за то, как они на эту ситуацию реагируют. Как, к примеру, я мог бы читать наставления угнетенным в Латинской Америке или Южной Африке? И, тем не менее, я объясняю, что не верю в использование насилия, и не считаю его ни эффективным, ни нравственным. Моя работа заключается в том, чтобы пытаться помочь людям, не видящим альтернативы насилию, найти ему замену.

На практике происходит следующее (хотя обстоятельства, безусловно, могут меняться): нужно задать вопрос, может быть, не так напрямик – почему бы не попытаться поговорить, вместо того, чтобы стрелять? Нередко в ответ звучит: мы бы и рады, но... Вслед за этим нужно проанализировать природу этого «но» и посмотреть, нельзя ли его ликвидировать. Иногда под «но» кроются вполне практические проблемы, такие как страх потерять союзников или тактическое преимущество. С проблемами такого рода бывает сложнее всего, поскольку у миротворцев нет полномочий гарантировать, что замедление боевого наступления не сыграет на руку другой стороне. Это «но», однако, бывает зачастую окружено иными сомнениями, с которыми справиться легче. К примеру – необоснованные страхи, легко расцветающие в тепличной эмоциональной атмосфере конфликта при нарушенных каналах связи. Источником других служит неверная или

неполная информация. Квакер-миротворец зачастую оказывается в положении, когда ему приходится обращать внимание на то, почему определенные страхи преувеличены, на то, что факты искажены, либо представлены в ложном свете. Подобную ошибку можно исправить во время его/ее последующего визита к противоположной стороне. Вот почему миротворцу приходится порой снова и снова посещать противников, надеясь, что с каждым посещением можно еще чуть-чуть рассеять неразбериху, недоразумения, излишнюю тревожность.

При этом существует и дополнительный психологический элемент. На человеческое поведение очень сильно влияет наша потребность сохранить хороший имидж в собственных глазах. Мы создаем для себя маску, представляющую тот образ, который мы хотели бы демонстрировать окружающим и самим себе. В дополнение к маске возникает еще и то, что я называю миражом. Бытует мнение, что мираж это прекрасное видение пальмовых деревьев и воды, но все, кто путешествовал по пустыне, знают, что эта картина соответствует определению из словаря, и сама является изображением мнимым. А миражи есть не что иное, как мерцающие участки дрожащей пустоты. По моему мнению, мираж это то, что мы видим, когда выглядываем через прорези маски. Для того чтобы сохранить маску и, соответственно, лестный идеализированный образ самого себя, нам необходим сравнительно непривлекательный образ наших соперников или врагов. На них мы проецируем все те недостатки и грехи, которых боимся в себе и которые подсознательно стараемся скрыть с помощью механизма маски. Из чего, в свою очередь, возникает то, что называется зеркальным эффектом, когда каждый протагонист видит другого в таком же неблагоприятном свете, в каком видят его самого. Отсюда следует необоснованное обострение большинства конфликтов, причем взаимно искаженные представления друг о друге осложняют полноценную коммуникацию, что является важнейшей предпосылкой для любого соглашения.

И здесь важную роль могут сыграть миротворцы. Им вовсе не обязательно детально растолковывать свои чувства со смущающей откровенностью. Но их искренние забота и внимание вызывают доверие, устраниющее в определенной степени потребность в маске. Напряжение спадает, а благородие и объективность в большой мере восстанавливаются. Естественно, миротворцы должны быть очень тактичными и достаточно осведомленными о ситуации в целом, при этом избегать употребления слов с высоким эмоциональным накалом. (Например, было бы в высшей степени неразумно говорить о Биафре с членами Федерального правительства Нигерии, для которых она была мятеежной территорией. Однако упоминать о ней было крайне важно, и поэтому понадобилось подыскать приемлемый синоним, т. е. семантическая проблема, казалось бы вполне тривиальная, но в то же время и потенциально опасная.) Обнадеживающая доброжелательность миротворцев сама по себе, конечно же, проблемы не решает, но закладывает психологический фундамент для этого. Она помогает развеивать туман негативных эмоций, таких как страх, обиды, гнев, ревность, горечь, подозрительность, делающих любой человеческий конфликт трудноразрешимым.

Неофициальные миротворцы должны противостоять непрерывным попыткам перетянуть их на свою сторону. В определенном смысле это служит мерилом их признания – чем больше им симпатизируют, тем сильнее стремление заполучить их поддержку. Но есть и другая сторона медали, особенно если общее напряжение возрастает. Их могут заподозрить, призвать к ответу, даже высказать упреки из-за контактов с противной стороной. Отвечать же, невзирая на искушения и личные склонности, миротворцы могут только абсолютной беспристрастностью и ничем не омраченным дружелюбием. «Как вообще вы можете поддерживать отношения с этими монстрами?» – спросят у них и щедро угостят слушателя ужасающими историями о кровавых расправах и пытках. В ответ миротворцы могут только снова и снова упрямо повторить, что они не могут принимать чью-либо сторону. Что они на стороне всех, кто страдает так или иначе, что они испытывают безусловную симпатию ко всем, попавшим в

западню войны, будь то гражданские лица или солдаты, или политические лидеры, и что их единственный враг – вера в то, что все проблемы человечества можно разрешить с помощью насилия. Нет иного пути сохранять концепцию примирения, находясь в самом центре процесса миротворчества.

Утверждая, что примирение должно быть центральной темой миротворческого процесса, я не преуменываю значение прочих элементов, а именно, ведения переговоров, компромиссов, сложных военных, политических и экономических сделок, но я и помыслить не могу, что квакерам-миротворцам следует заниматься этими вопросами, как Каррингтону или Киссинджеру. Если бы квакеры попытались совершать аналогичные маневры, тем самым они бы поставили под удар свою более уникальную психологическую, а в основе своей духовную роль. Их практически осуществимая задача содействовать созданию благоприятных условий, в которых можно пытаться найти решение, а не разрабатывать условия такого урегулирования. Очевидно, что они не могут оставаться безразличными к характеру рассматриваемого решения, но, если они отдают предпочтение одному решению по сравнению с другими, тем самым они ослабляют свою беспристрастность. Если их просят высказать свое мнение, конечно, они обязаны это сделать. И лучше всего, если при этом они уйдут от прямого высказывания, что *a* лучше *b*, а вместо этого предоставлят баланс активов и пассивов касательно последствий, которые, по их мнению, могут возникнуть при принятии различных вариантов урегулирования конфликта. Но следует сделать одну оговорку. Иногда возникает вариант окончания борьбы, загнав конфликт вглубь. Друзья, по природе своей жаждущие увидеть окончание вражды, должны быть осторожны с видами урегулирования, подающими ложную надежду на мир. Я уже приводил в пример случай в Бангладеш, когда урегулирование с Западным Пакистаном (Бангладеш тогда назывался Восточный Пакистан) вполне вероятно могло привести в будущем только к еще большему разгулу насилия, и в любом случае законсервировало бы вопиющее угнетение, которое и вызвало борьбу.

Однако, хотя миротворцы редко, если вообще когда-либо выступают тенденциозными приверженцами определенных политических решений, они не должны опасаться указывать на то, что, по их мнению, не сработает. Могут возникнуть и многие другие вопросы, по которым к ним могут обратиться за рекомендациями, и их информацию сочтут полезной. Например, соперники могут захотеть узнать, причем им это будет действительно необходимо, что их оппоненты и соседние государства думают по конкретным проблемам. Если имеющаяся у них информация носит искаженный характер, они могут ошибаться, что в свою очередь может привести к продолжению борьбы и увеличить страдания. У меня были возможности убедиться в том, что официальные лица высокого ранга бывают на удивление плохо информированы по важнейшим вопросам. При этом очевидно, что миротворцы должны быть осмотрительны с тем, чтобы не сообщать сведения, могущие способствовать ведению военных действий. Здесь необходимо подумать, чтобы принять правильное решение. К сожалению, слишком часто невежество или недостаточная информированность только усиливают неразберику и подозрительность, которые в свою очередь раздувают пожар насилия.

* * *

Возможно в двух последних главах по Практике Миротворчества слишком большое внимание уделялось более «экзотическим» международным аспектам миротворчества. Если так, причиной тому послужило, скорее всего, то, что я писал о самых ярких, на мой взгляд, примерах и о людях, которых я знал, таких как Данило Дольчи и Пауло Фрейре. Но меня бы сильно огорчило, если бы кто-то пришел к заключению, что миротворчеством можно заниматься только в такой обстановке. Если бы это было так, тогда очень немногие из нас, включая и меня самого, могли бы добиться каких-то результатов. Впрочем, миротворчество, как я уже повторял неоднократно, есть

фундаментальная и универсальная человеческая функция. Все мы постоянно находимся в отношениях, которые могли бы быть более – или менее – мирными. Всем нам постоянно представляются возможности для миротворчества, для того, чтобы сделать жизнь немножечко более – или менее – гармоничной. Особенно это относится к тем из нас, кто общается с другими в рамках своей профессиональной деятельности – к учителям, социальным и общественным работникам, медсестрам, врачам, профсоюзовым служащим, консультантам по семейным вопросам, работодателям, и т. д.

Я был бы крайне опечален при мысли о том, что такие люди, прочитав то, что я тут написал, сказали бы себе: «Все это может быть чрезвычайно возвыщено и интересно, но ко мне не имеет ни малейшего отношения». Я надеюсь, что принципы, изложенные мною, могут рассматриваться, как имеющие широкое применение. Полагаю, что первые четыре универсальны: мы должны признать, что Бог есть в каждом из тех, с кем нам доводится иметь дело; мы должны слушать их и уделять им внимание; мы должны завоевывать их благорасположение; мы должны упорно и неотступно стремиться к этому. Следующие три распространяются на три основных типа немирных отношений: на Стадии Покоя мы должны стараться стимулировать осознание; на Стадии Революции мы должны для разнообразия работать ненасильственными методами; в Конфликте Равных мы должны устанавливать контакты. Однако, хотя я обсуждал эти темы по отдельности, их отличает, пожалуй, всего лишь смещение акцентов. Скажем, не существует такой стадии, когда нам не нужно было бы трудиться над углублением осознанности (особенно у самих себя), как нет и такой ситуации, в которой не нужно было бы слушать или стремиться к тому, чтобы быть достойным доверия, или делать все для улучшения понимания между сторонами, разделенными конфликтом.

Об этих принципах, на которые я только что ссылался, можно сказать, что они как семь столпов миротворчества. Они поддерживают здание мира, дающее нам приют и защиту. И это здание мы все можем помочь строить каждый день и всю жизнь. Как я только что заметил, для этого нет ни малейшей необходимости принимать участие в каком-то грандиозном международном проекте. Так же нет и безусловной необходимости быть социальным работником, медсестрой и т. п., какими бы важными ни были эти роли. Нужно просто быть человеком, связанным с другими людьми как родитель, ребенок, сосед, коллега. Даже и это не обязательно. Самый что ни на есть безличный контакт в магазине может превратиться во встречу, которая принесет утешение и мир, если мы видим, что человек, который нас обслуживает, или которого обслуживаем мы, это настоящий человек, живущий в божественном.

Миротворчество, как я попытался его определить и описать, состоит в обнародовании правды и применении ее к разупорядоченным отношениям, к отношениям, находящимся в состоянии хаотического беспорядка именно потому, что они не взлеяны правдой. Следовательно, миротворчество не просто удаление нездорового и невежественного, сглаживание шероховатостей, вызванных неправильным пониманием, но стимуляция роста и расцвета всех Богом данных нам возможностей.

Только не следует думать, что миротворчество принесет популярность. Если миротворчество означает и основывается на истинной сущности нашей природы, как образа и подобия Божьего, несущей в себе частичку Его естества, то у многих оно вызовет враждебное отношение. Значительная часть человечества была введена в заблуждение и верит в то, что их счастье зависит от собственности, положения в обществе, власти, процветания и всех других атрибутов материального благосостояния. Даже не будучи обладателями всего этого, они все равно верят в истинность данного утверждения и стремятся к обладанию. Кое-кто из них, столкнувшись с истиной, утверждающей диаметрально противоположное, оставят иллюзии. Однако же другие будут продолжать цепляться за них. И чем явственнее реальность будет угрожать им, тем отчаяннее они будут цепляться. Нередко они пытаются уклониться от угрозы шаткому, явно

необоснованному чувству безопасности, атакуя миротворца. В ходе истории многие были убиты именно по этой причине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ – НАСТОЯЩАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Я бы хотел закончить, вернувшись назад к тем идеям, с которых начал. Их можно было бы разукрасить большим количеством теологических и метафизических терминов, но лучше выразить их очень просто: в основе души нашей Господь. И именно это есть реально, верно и вечно. Все остальное преходящее и иллюзорно, поскольку Бог есть все сущее. И ничто, кажущееся противоположным Богу, не имеет в себе жизни и значения. Наше существование сохраняет значимость только в тех пределах, в каких отражает и выражает Бога.

Этот трансцендентный факт должен определять наши отношения со всеми остальными. Мы соединяемся с ними через божественность нашего естества, и действовать мы всегда должны так, чтобы в наиболее полной мере ее выразить.

Условия, требующие миротворческих усилий, описаны в главе 3. Мы видим, что там господствуют иллюзии, ложные личности, укрытые от света плащом невежества. Улучшить эти условия совершенно невозможно с помощью насилия или любого другого действия, несовместимого с добром, представляющим Господа. На самом деле, такие шаги могут только усугубить зло ситуации.

Если кто-нибудь, включая и нас самих, действует немирным образом, наш первый долг заключается в том, чтобы признать реальность нашей сущности. Сделав это, мы тем самым искореняем основу любого вида немирной ситуации. Вероятно, существует возможность предотвратить деструктивное поведение личности с помощью физических или психологических методов, но, только пробудив ее истинное самосознание, мы сможем уничтожить источник насилия. Для тех, кто придерживается взглядов, изложенных в первых двух главах, такой подход и есть основа миротворчества.

Миротворчество это комбинация верного мышления и верных действий, проистекающих из этого подхода. В последних двух главах я предпринял попытку описать практические методы, следующие из вышеизложенной философии. Они делятся на общие принципы и практические шаги, соответствующие специфическим типам немирных отношений.

Если ты верим в то, что Бог есть в каждом, мы должны обращаться со всеми как хотели бы, чтобы обращались с нами, а именно с любовью, уважением и осмысленной заботой, вне зависимости от того, что они сделали или делают. Мы должны помнить, что их дурные поступки это не они сами. Что бы они ни делали, в основе их Господь, и это – единственная реальность. Мы должны стараться помочь им сделать шаг от невежества к знанию, от ненависти к любви. Возможно, нам придется предотвратить их дурные поступки, но, если мы будем действовать с любовью, лучшей услуги мы оказать не сможем. Мы можем надеяться, что другие сделают то же самое по отношению к нам.

Если же мы будем придерживаться иного взгляда на природу человеческую, считая, что люди злы по природе своей, погрязли в первородном грехе, склонны к насилию, имеют «животную» натуру и несовершенны, либо являются собой манихейскую смесь добра и зла, тогда наше поведение при работе с немирными отношениями, будет конечно же иным. Акцент сместится с признания божественной сущности тех, кто действует немирным образом, и стремления восстановить в них понимание их истинной индивидуальности, на попытку изменить их действия. В зависимости от обстоятельств, мы будем пытаться убедить, манипулировать или контролировать, даже запугивать, насильно ограничивать или убивать. А ведь такие методы невозможны для тех, кто признает наше общее наследие, единство людей, созданных по образу и подобию Бога. Для тех же, кто не разделяет наши взгляды, или делает это нехотя, желание изменить

материальные обстоятельства может узаконить такие действия во имя сохранения или восстановления мира.

И, наконец, я бы хотел вернуться к началу этой работы и обсудить ее название. Конечно же, оно взято из Послания Иакова, где говорится: «Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир». Сразу же за этим следуют стихи, которые упоминает Джордж Фокс в обращении к Комиссарам Республики в 1651 году, говоря о духовном начале, удаляющем причины войн и алчность, раздувающую их. Никто не может сомневаться в том, что правда и справедливость являются истинными плодами миротворчества, тогда как меркантильное корыстолюбие, ведущее к великим несправедливостям, есть изначальный источник насилия.

Я попытался показать, что без справедливости и правды нет мира. Мира нет даже при отсутствии открытых расприй, а есть всего лишь умело подтасованное временное затишье во враждебных действиях. Справедливость имеет два оттенка значения. Первое – беспристрастность, справедливое поведение, верность принципам. Все это необходимые но недостаточные предпосылки для прочного мира. Другая коннотация, цитирую Оксфордский словарь английского языка, следующая: «соблюдение божественного закона; праведность; предстояние перед Богом». Когда связующая сила любви объединяет эти два измерения, временное и вечное, задача миротворца выполнена. Мир установлен, воцаряется настоящая справедливость.

БИБЛИОГРАФИЯ

Spiritual Writings

- J. A. Arberry, *Sufism*. London: Allen & Unwin, 1950
- Farid ud-din Attar, *The Conference of Birds* (Mantiq ut-Tair) trns. C. S. Nott. New York: Samuel Weisser, 1954. This twelfth-century prose poem is a magnificent expression of Sufism.
- Sydney Bailey, 'The Christian Vocation of Reconciliation' in *Crucible: the Journal of the Board for Social Responsibility of the General Synod of the Church of England*, July/September, 1979
- Howard H. Brinton, *Friends for 300 years*. Pendle Hill Publications, 1952, rptd. 1964
- William Blake, *Poems*.
- Chuang Tzu, *The Complete Works of Chuang Tzu* trns. by Burton Watson. New York: Columbia U.P., 1968
- The Cloud of Unknowing* (Author unknown, probably lived in the fourteenth century) trns. and introd. Clifton Walters. London: Penguin Classics, 1961
- The Dhammapada* (Probably compiled in the third century BC) trns. J. Mascaro. London: Penguin Classics, 1973
- Meister Eckhart, *Sermons, etc.* trns. C. de B. Evans. London: Watkins, 1924
- Mary Baker Eddy, *Science and Health: with key to the scriptures*. Boston: First Church of Christ, 1875
- George Fox, *Journal* ed. John Nickalls. London Yearly Meeting, 1952, rptd. 1975 (This is the most readily available edition, but I have the edition edited, introduced and annotated by Rufus M. Jones published by Capricorn Books, New York, 1963)
- George Fox, *Epistles*. Most readily available selection is *No more but my love: letters of George Fox* selected and edited by Cecil W. Sharman. London: Quaker Home Service, 1980
- The Gospel according to Thomas* trns. A. Guillaumont, et. al. London: Collins, 1959
- Bede Griffiths, *Return to the Centre*. London: Collins/Fount, 1976.

- Jelalud-din Rumi, *Masnavi i Ma'navi: the spiritual couplets of Jelalu* trns. E. H. Whinfield. Octagon, 1898, rptd. 1974
- St. John of the Cross, *The Dark Night of the Soul*, trns. and ed. E. Allison Peers. Newman Press, 1934 (I prefer this edition of all those I have seen)
- William Johnston, *The Inner Eye of Love*. London: Collins/Fount, 1978
- Rufus M. Jones, *An Interpretation of Quakerism*. London: Quaker Home Service, 1930, rptd. 1979
- Julian of Norwich, *Revelations of Divine Love*. London: Penguin Classics, 1966. This was written after a mystical experience in 1373
- C. G. Jung, *Memories, Dreams, Reflections*. London: Collins/Fontana, 1967
- Martin Luther King, *A Martin Luther King Treasury*. New York: Educational Heritage, 1964
- Lao Tzu, *Tao Te Ching*. London: Penguin Classics, 1963. Lao Tzu, who may have been the author, probably wrote about 500 BC.
- William Law, *A Serious call to a Devout and Holy Life*. London: Dent, 1975, and *The Spirit of Prayer, Spirit of Love*. Cambridge: James Clarke, 1967
- Wolf Mendl, *Prophets and Reconcilers: reflections on the Quaker Peace Testimony*. London: Quaker Home Service, 1974
- Thomas Merton, *Mystics and Zen Masters*. New York: Dell Pub., 1960
- P. U. Ouspensky, *In Search of the Miraculous*. New York: Harcourt, 1949
- Jan van Ruysbroeck. *John of Ruysbroeck* ed. and introd. by Evelyn Underhill. Westminster, Md., USA: Christian Classics, 1974. This appears to be the only currently available English language edition of the great fourth century mystic's writings. It contains three of his most important works, 'The adornment of the spiritual marriage', 'The sparkling stone' and 'The book of supreme truth'.
- Idries Shah, *The Way of the Sufi*. London: Penguin Books, 1974. This is useful for the long extracts from great Sufi writers which are not otherwise easily found.
- Swami Shankara, *Crest-Jewel of Discrimination*. Trns. and Introd. by Swami Prabhavananda and Christopher Isherwood. London: Mentor Books, 1970
- Douglas Steere, *On being present where you are*. Pendle Hill Pamph.

151. Wallingford, Pa., USA: Pendle Hill, 1967
 Thomas Traherne, *Poems*. London: Dobell, 1903
 Evelyn Underhill, *Mysticism*. London: Methuen, rpt. 1979
The Upanishads trns. from the Sanskrit with an Introduction by Juan Mascaro. Penguin Classics, 1965. Also a useful edition *The Ten Principle Upanishads* trns. by Shree Purchit Swami and W. B. Yeats. London: Faber, 1937, rpt. 1970
Way of a Pilgrim trns. R. M. French. London: SPCK, 1972
 John Woolman. *Journal and Essays of John Woolman* ed. A. M. Gummere. London: Macmillan, 1922. *Journal and Major Essays of John Woolman* ed. Phillips Moulton, Oxford U.P., 1971. *The Wisdom of John Woolman* by Reginald Reynolds. London: QHS, rpt. 1972
 Mike C. H. Yarrow, *Quaker Experiences in International Conciliation*. New Haven, USA: Yale U.P., 1978

Non-violent action and social change

- Joan Bondurant, *Conquest of Violence: the Gandhian philosophy of conflict*. Oxford U.P., 1958
 Helder Camara, *Revolution through Peace*. London: Harper & Row, 1971
 Danilo Dolci, *The Man who Plays Alone* trns. Cowan. New York: Pantheon Books, 1969
 Paulo Freire, *Pedagogy of the Oppressed* trns. Myra Bergman Ramos. New York: Herder, 1970
 Paulo Freire, *Cultural Action for Freedom*. Cambridge, Mass. USA: Harvard Educ. Review and Centre for Studies in Educ. and Development, 1970
 Johan Galtung, *Feudalism, Structural Violence and the Structural Theory of Violence*. Paper prepared for the 3rd General Conference of the International Peace Research Assn., Karlovy Vary, Czechoslovakia
 Johan Galtung, *Essays in Peace Research*, I-V. Copenhagen: Eilers, 1975-80
 M. K. Gandhi. *The Collected Works of Mahatma Gandhi*. Delhi, India: Publications Div. Ministry of Information, Govt. of India, 1958. This series at present in progress will include over 50 vols.
 M. K. Gandhi, *An Autobiography: or the story of my experiments with Truth*, trns. Mahadev Desai. Ahmedabad, India: Navajivan, 1959

George Lakey, *Strategy for a Living Revolution*. Oxford: W. H. Freeman, 1973

James McNeish, *Fire Under the Ashes: the life of Danilo Dolci*. London: Hodder, 1965

Gene Sharp, *The Politics of Non-Violent Action*. Boston: Porter Sargent, 1973

Human Nature

Robert Ardrey, *The Territorial Imperative: a personal enquiry into the animal origins of property and nations*. London: Collins/Fontana, 1969

Erich Fromm, *The Anatomy of Human Destructiveness*. London: Penguin Books, 1977

Konrad Lorenz, *On Aggression*. London: Methuen, 1966

Abraham Maslow, *Towards a Psychology of Being*. Princeton, NJ, USA: Van Nostrand, 1968. Maslow was one of very few psychologists of repute whose work was directed towards demonstrating that human potential, and hence the reality of human nature, was far higher than average human achievement.

Ashley Montague, *Man and Aggression*. Oxford University Press, 1968

Desmond Morris, *The Naked Ape*. London: Mayflower, 1977.

Anthony Storr, *Human Aggression*. London: Allen Lane, 1969

АННОТАЦИЯ

Если в каждом из нас есть божий потенциал, и мы признаем это, наше поведение по отношению к другим неизбежно подпадает под глубокое влияние. Как мы можем оскорблять их или обращаться с ними как с врагами? Разве не должны мы стараться излечивать отношения, давшие трещину из-за гнева, страха и непонимания, используя универсальную способность к миротворчеству, дарованную нам «от Бога»?

Для того чтобы делать это эффективно, мы должны разобраться в природе немирных отношений и признать, что существуют разные их типы в зависимости от баланса власти между protagonists. Но некоторые методы уместны всегда: признание и реагирование на добро в других, установление и поддерживание отношений доверия, слушания, терпимости. Не существует волшебных трюков, несущих мир. Все зависит от любви и заботы, одушевленных опытом и пониманием.